

Джек Макдевит

Законный наследник
Азимова и Кларка.
Стивен Кинг

Макдевит — лучший из авторов,
пишущих в наше время
о дальнем космосе.
The Denver Post

ВОЕННЫЙ ТАЛАНТ

ЦИКЛ РОМАНОВ ОБ АЛЕКСЕ БЕНЕДИКТЕ

Алекс Бенедикт

Джек Макдевит

Военный талант

«Азбука-Аттикус»

1989

Макдевит Д.

Военный талант / Д. Макдевит — «Азбука-Аттикус»,
1989 — (Алекс Бенедикт)

Бесследно исчезает звездный корабль «Капелла», не вышедший из гиперпространственного прыжка. Вместе с командой и несколькими сотнями пассажиров без вести пропадает дядя Алекса Бенедикта, и Алексу вместе с имуществом достается в наследство тайна, занимавшая дядины мысли все последние годы. Дело в том, что в туманности Дама-под-Вуалью обнаружено нечто, полностью переворачивающее представления о временах Сопротивления – войны с разумной расой ашиуров, которую земляне вели двести лет назад. Но подробности этой находки официальные власти скрывают настолько тщательно, что Алекс Бенедикт на свой страх и риск отправляется в далекую туманность, чтобы разобраться во всем самому. «Военный талант» – первый роман из знаменитого цикла об Алексе Бенедикте.

© Макдевит Д., 1989

© Азбука-Аттикус, 1989

Содержание

Пролог	6
I	10
II	17
III	27
IV	38
V	42
VI	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джек Макдевит

Военный талант

*Посвящается Джозефу Х. Паррофу,
преподобному Л. Ричарду Касавану
и преподобному Роберту Э. Карсону.
Этот долг я никогда не смогу оплатить*

Jack McDevitt

A TALENT FOR WAR

Copyright © 1989 by Jack McDevitt

All rights reserved

© Н. Ибрагимова, перевод, 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Я благодарен за консультации при написании этой книги Джеймсу Х. Шарпу из Планетария им. Альберта Эйнштейна при Смитсоновском институте. Кроме того, я бы хотел выразить свою признательность Льюису Шайнеру за его советы, Джинджер Бьюкенен – за помощь в работе с рукописью, а также Морин Макдевит, чье присутствие ощущается во вселенной Кристофера Сима.

Пролог

Воздух был тяжелым от запаха ладана и горячего воска.

Кэм Чулон любил эту простую каменную церковь. Преклонив колена, он следил за тем, как хрустальные капли воды стекают с пальцев отца Кэрри в серебряную чашу, которую держал послушник. Этот символ извечного человеческого стремления избежать ответственности казался Чулону самым значительным из древних ритуалов.

«Вот в чем наша сущность, многие века выставленная напоказ», – подумал он.

Чулон обвел взглядом альков Девы Марии, тускло освещенный несколькими мигающими свечами: фрески с изображением крестного пути Христа, простой алтарь, деревянную кафедру с лежащим на ней массивным фолиантом Библии. По сравнению с роскошью Окраины, Ригеля-III и Тараминго, все было слишком скромным. Однако великолепие огромных соборов, изысканность витражей, громады мраморных колонн, звуки могучих органов, широкие хоры почему-то всегда мешали и пугали. А отсюда, с горы, он мог смотреть вниз, на долину реки, которую отцы давних времен передали Антонию Токсиконскому. Здесь были только река, скалы и Создатель.

Приезд Чулона стал первым визитом в аббатство вышестоящего епископа. Альбакор, этот погребенный под снегом холодный мир на самой границе Конфедерации, служил домом лишь святым отцам. Наслаждаясь тишиной, прислушиваясь к отдаленному рокоту лавин, вдыхая в легкие холодный, бодрящий воздух, нетрудно было понять, почему Альбакор время от времени становился приютом для самых блестящих ученых, состоявших в Ордене. Мартин Брендуга создал свои великие хроники Смутного времени в келье, расположенной над часовней, Альберт Кейл завершил здесь свое знаменитое исследование трансгалактических рядов, а Морган Ки написал эссе, навсегда связавшие его имя с классической теорией экономики.

Да, эти места почему-то пробуждали в людях величие.

С мессы Чулон шел в сопровождении аббата Марка Тазангалеса. Они кутались в пальто, и изо рта у них то и дело вырывались облачка пара. Аббат имел много общего с долиной Святого Антония: никто в Ордене не помнил его молодым, а черты его покрытого глубокими морщинами лица казались такими же жесткими, как известняковые стены и заснеженные скалы. Тазангалес был столпом веры. Чулон не мог представить себе даже тени сомнения, столь свойственного обыкновенным людям, в этих темно-синих глазах.

По дороге они вспоминали лучшие времена, как это обычно делают давно не встречавшиеся пожилые люди, но потом аббат вдруг отбросил прошлое и, повысив голос, чтобы перекричать ветер, сказал:

– Кэм, вы преуспели.

Чулон улыбнулся. Тазангалес умел добиться субсидий и распорядиться ими, что ни в коей мере не вредило его ореолу святости. Он был превосходным администратором и оратором, умеющим убедить слушателей, именно тем человеком, который способен представлять Церковь и Орден. Но ему недоставало честолубия, поэтому при первой же возможности он вернулся в долину Святого Антония и провел здесь всю жизнь.

– Церковь добра ко мне, Марк. И к вам тоже.

Они смотрели вниз с вершины горы, на которой располагалось аббатство. Приближалась зима, и долина была абсолютно голой, какой-то монотонно-коричневой.

– Мне всегда казалось, что я с удовольствием вернулся бы сюда на пару лет. Преподával бы теологию. А может, просто для того, чтобы привести в порядок свою жизнь.

– Вы нужны Церкви для более важных дел.

– Возможно. – Чулон посмотрел на кольцо, символ своего ранга. – Я многое за него отдал. Вероятно, цена слишком высока.

Аббат не возражал и не соглашался с ним, лишь настаивал на своем, ожидая, что это доставит епископу удовольствие. Чулон вздохнул:

– На самом деле вы ведь не одобряете путь, по которому я пошел.

– Я этого не сказал.

– Это сказали ваши глаза, – улыбнулся Чулон.

Внезапный порыв ветра пригнул деревья, полетели снежные хлопья.

– Первый снег в этом году, – вздохнул Тазангалес.

Долина Святого Антония пряталась высоко в горах меньшего из двух континентов Альбакора. (Некоторые говорили, что эта маленькая планетка состоит исключительно из гор.) Зато, с точки зрения Чулона, это избранное место Господа, земля лесов, известковых расселин и снежных вершин. Епископ вырос на такой же планете, на скалистой Деллаконе, солнце которой настолько далеко, что его невозможно увидеть с Альбакора.

В этой древней таинственной глуши, где он сейчас находился, Чулон испытывал добрые чувства, неведомые ему уже тридцать лет. Воспоминания юности. Почему они всегда реальнее событий зрелости? Почему Чулон, осуществив честолюбивые замыслы своей молодости, даже намного превзойдя их, не получал от этого удовольствия?

Епископ плотнее запахнул пальто, защищаясь от ледяных порывов ветра.

Здесь, среди застывших холодных вершин, что-то смутно беспокоило его. Каким-то непонятным Чулону образом горы бросали вызов теплому уюту крошечной церкви.

Там, дома, появилось еретическое движение, последователи которого заявляли, что говорят от имени Иисуса Христа. Они хотели, чтобы епископ продал церкви, а деньги роздал беднякам. Но Чулон, любивший бывать в самых суровых местах и этой и других планет, понимал, что церкви служат защитой от пугающего величия Всемогущего.

Он наблюдал, как набирает силу метель.

Несколько семинаристов выбежали из трапезной и шумно поспешили к гимнастическому залу. Внезапный взрыв юной энергии пробудил Чулона от задумчивости, и он взглянул на Тазангалеса.

– Замерзли? – спросил аббат.

– Нет.

– Тогда осмотрим остальную территорию.

Здесь мало что изменилось. Неужели прошло полжизни с тех пор, как они по ночам совершали набеги на трапезную в поисках пива? Неужели прошло так много времени с тех пор, как они бегали в Блейзинвелл и невинно флиртовали с девушками, ныряли голышом в горные озера? Боже мой, он словно наяву ощутил восхитительный холод светлых струй!

Тогда это казалось таким сладким грехом...

Посыпанные гравием и слегка припорошенные снегом дорожки приятно похрустывали под ногами. Чулон и Тазангалес обогнули библиотеку. Антенна, установленная на островерхой крыше здания, медленно поворачивалась вслед за одним из орбитальных спутников. Мокрые хлопья снега слепили глаза, начали мерзнуть ноги.

Кельи монахов располагались в задней части монастырского комплекса, на безопасном расстоянии от докучливых посетителей и послушников. Дорожка кончалась у простой металлической двери. Чулон смотрел в сторону пологого склона горы, возвышающейся за аббатством. На ее гребне виднелись едва заметные на фоне грозового неба арка, железная ограда и длинные ряды белых крестов.

Почетное место для тех, кто достиг цели.

Тазангалес уже открыл тяжелую дверь, терпеливо ожидая епископа.

– Минуточку, – сказал Чулон. Стряхивая снег с пальто, он задумчиво смотрел на гребень горы.

– Кэм, холодно.

В голосе Тазангалеса слышалось легкое раздражение, но Чулон сделал вид, что не заметил этого.

– Я вернусь через несколько минут, – наконец произнес он и, не прибавив больше ни слова, быстро зашагал вверх по склону.

Аббат выпустил ручку двери и покорно пошел за ним.

Тропинка, ведущая к кладбищу, была засыпана снегом, однако Чулон не обратил на это внимания и, наклонившись вперед, упорно взбирался выше. Два каменных ангела с печально опущенной головой распростерли крылья, охраняя вход. Епископ прошел между ними и прочел вырезанную на арке надпись: «Тот, кто учит других, как умирать, должен знать, как жить».

Ровные ряды крестов – самый старый слева, чуть впереди, – мрачной чередой уходили вверх к гребню горы, а потом вниз, по противоположному склону. На каждом начертаны имя, буквы, обозначающие гордое название Ордена, и дата смерти в стандартном летоисчислении Эры Христианства.

В дальнем уголке кладбища епископ нашел могилу отца Бреннера. Бреннер был рыжим, крепким и толстым, преподавал историю Церкви в период Великого Переселения.

– Вы, конечно, знали... – произнес аббат, заметив реакцию епископа.

– Да, но получить известие о смерти человека – совсем не то, что оказаться у его могилы.

В этом последнем ряду было удручающе много знакомых имен: Филиппс, Мушаллах и Отикапа... Его учителя. Мушаллаха он помнил как молчаливого сумрачного человека с острым взглядом и непоколебимыми убеждениями, любившего словесные дуэли со студентами, осмеливавшимися подвергать сомнению существование Бога.

Дальше Чулон обнаружил могилы Джона Пэннела, Крэга Хоувера и других. Теперь они всего лишь прах, и никакая теология не могла ничего изменить.

Епископ с любопытством взглянул на Тазангалеса. Тот терпеливо и, по-видимому, равнодушно стоял под снегопадом, засунув руки в карманы. Понимал ли он, что значит прогулка по такому месту? Лицо аббата не выражало никакой печали. Чулон не был уверен, хотелось ли ему самому иметь столь крепкую веру...

Неприятное ощущение: грешник, упорствующий в своем грехе.

Некоторые надгробия насчитывали по нескольку веков. И среди похороненных под ними людей было немало таких, которым следовало отдать дань уважения. Но епископу страстно захотелось вернуться обратно. Может, потому, что погода ухудшилась, а может, ему просто не хотелось больше ничего видеть. Когда Чулон собирался уходить, его взгляд упал на одно надгробие, и что-то показалось ему странным.

Джером Кортни
Умер 11108 A. D.

Могиле сто шестьдесят стандартных лет, сравнительно немного по меркам Святого Антония. Надпись была неполной, отсутствовал знак Ордена.

Епископ прищурился, чтобы лучше видеть, и провел по камню рукой, пытаясь смахнуть снежинки, которые, возможно, закрывали этот знак.

– Не трудитесь, Кэм, – сказал аббат. – Его там нет.

– Почему? – Чулон выпрямился, его явное недоумение сменилось неудовольствием. – Кто это?

– Он не был одним из нас. В узком смысле слова.

– Он не апостол?

– Он даже не католик, Кэм. Думаю, он вообще не был верующим.

Чулон смерил аббата взглядом:

– Тогда что он, во имя Господа, здесь делает? Среди отцов?

В таком месте не подобало кричать, однако при попытке приглушить голос епископ сорвался на придушенный хрип и смутился.

Тазангалес смотрел на него круглыми синими глазами:

– Он пробыл здесь очень долго, Кэм. Он искал у нас убежища и прожил в Общине почти сорок лет.

– Это не объяснение.

– Он лежит здесь, – сказал аббат, – потому что люди, среди которых он жил и умер, любили его и решили, что он должен остаться среди них.

I

Она миновала Авинспур, прорезав космический мрак сиянием своих огней. Рейсовые катера, сопровождавшие ее в системе, быстро отстали. Позже многие утверждали, будто поймали передачу бортовой радиостанции с выступлением популярного комика тех лет. Вскоре она приблизилась к зоне прыжка около одной из окраинных скалистых планет и точно по расписанию вошла в пространство Армстронга. Она унесла с собой две тысячи шестьсот пассажиров и членов экипажа.

Макиас. Хроники, XXII

О том, что «Капелла» ушла в небытие, мы узнали ночью. Я как раз торговался с одним состоятельным клиентом по поводу коллекции керамических горшков четырехтысячелетней давности. «Капелла» не вернулась в линейное пространство, а поскольку задержка была уже значительной, с минуты на минуту ждали официального заявления о пропаже корабля.

На борту находились дипломаты, известные спортсмены, музыкант, группа студентов, победивших в каком-то конкурсе, довольно состоятельная дама-экстрасенс с мужским эскортом.

«Капелла» тут же попала в разреженную атмосферу легенды. Несомненно, случались и худшие катастрофы, но две тысячи шестьсот человек, летящие на большом межзвездном лайнере, не умерли в обычном смысле слова, – возможно, они вообще не умирали. Никто не знает этого, однако в том-то и заключается парадоксальность данного события.

Мой клиент печально покачал головой по поводу подстерегающих нас опасностей и сразу вернулся к обсуждению предметов искусства. Мы пришли к соглашению более выгодному для него, чем для меня.

«Капелла» – флагман новейшего класса межзвездных лайнеров, оснащенный всеми возможными средствами безопасности, вел ее дипломированный капитан высокого класса, и было больно думать, что она тихо перешла в разряд призраков.

Немедленно прогремел шлагер на эту тему, и появилось множество теорий ее исчезновения.

Корабль попал во временной узел, говорили некоторые, и вынырнет в будущем, а пассажиры и экипаж даже не заподозрят, что случилось что-то необычное. Мы теряли корабли многие века, но пока ни один из них так и не появился. Поэтому если они действительно перемещаются вверх по течению времени, то, должно быть, ушли на значительное расстояние.

Наиболее распространенным было мнение, что сразу отказали все двигатели Армстронга, обрекая невидимый и неслышимый корабль на вечные скитания. Я с удивлением подумал, что это превосходная идея, именно так нужно сказать семьям путешественников.

Было множество других теорий: «Капелла» вынырнула в другой вселенной, произошла какая-то флуктуация, забросившая ее в другую галактику или, что более вероятно, в промежуток между галактиками. Мне лично наиболее вероятной представляется теория «валуна на дороге», то есть пространство Армстронга не является абсолютным вакуумом, и «Капелла» наткнулась на нечто, слишком крупное для ее отражателей.

Конечно, я понимал не больше остальных, но все равно меня это нервировало. Я летал на подобных проклятых штуках только в случае абсолютной необходимости.

В последующие дни эфир заполнили обычные истории о людях, так или иначе связанных с полетом. Один человек, проспавший вылет и в результате опоздавший на борт корабля, благодарил Всевышнего, который оказался не столь же снисходительным к остальным двум тысячам шестистам пассажирам. Капитан выполнял свой последний рейс и по прибытии корабля

на станцию Сараглия должен был уйти в отставку. Женщина с Окраины заявила, что накануне катастрофы ей приснился сон об исчезновении «Капеллы». Она умело использовала свое заявление и сделала успешную карьеру, став одной из ведущих прорицательниц века.

И так далее. Говорили, что будет проведено расследование, но, конечно, оно ничего не даст. В конце концов, кроме списков пассажиров и груза, расписания движения и прочего, мало что еще может помочь следствию.

Специалисты опубликовали свежую статистику, которая демонстрировала большую опасность путешествий между Ригелем и Солнцем, чем при езде по улицам среднего города.

Дней через десять после исчезновения «Капеллы» я получил послание от родственника с Окраины, с которым не общался уже много лет: «Сообщаю – если ты ничего не знаешь, – что Гейб находился на „Капелле“. Мне очень жаль. Сообщи, если я могу быть чем-то полезен».

И тогда до меня дошло.

Утром была получена электронная посылка с двумя информационными кристаллами. Отправителем значилась юридическая контора «Бримбери и Конн», которая, судя по сопроводительной записи, располагалась где-то на Окраине. Я ввел кристаллы в систему, надел на голову обруч и опустился в кресло. Появилось изображение женщины, плавающей в воздухе примерно в полуметре от пола, с наклоном вперед около тридцати градусов. Звук тоже был не совсем четким. Я мог бы легко все исправить, но, поскольку ничего хорошего сообщение мне не сулило, не стал напрягаться. Женщина говорила, взгляд уперев в пол. Вокруг нее постепенно проявлялось изображение библиотеки, однако я его заэкранировал.

Женщина выглядела привлекательной на свой бюрократический, хорошо отутюженный манер.

– Мистер Бенедикт, позвольте выразить соболезнования в связи с кончиной вашего дяди. – Пауза. – Он был уважаемым клиентом фирмы «Бримбери и Конн», а также нашим другом. Нам будет не хватать его.

– Как и всем нам, – сказал я.

Изображение кивнуло. Губы женщины дрожали, и, когда она вновь заговорила, голос ее звучал неуверенно, что убедило меня в подлинности ее чувств, несмотря на бесстрастность речи.

– Мы хотели сообщить, что вы являетесь единственным наследником его поместья. Вам следует представить необходимые документы, перечисленные в приложении к данному сообщению. – Она слегка поколебалась. – Мы уже начали предпринимать шаги для официального признания Габриэля погибшим. Конечно, будет определенная задержка, поскольку суд не очень охотно берет дела о пропавших без вести, даже в такой ситуации. Тем не менее, как только представится возможность, нам хотелось бы действовать в защиту ваших интересов. Следовательно, вы должны безотлагательно отправить нам документы.

Она села и поправила юбку.

– Ваш дядя оставил для вас запечатанное сообщение, которое следует передать вам в случае его смерти. Оно включится в конце разговора по звуку вашего голоса. Скажите любое слово. Прошу вас, не колеблясь, сообщить нам, если мы можем быть чем-то вам полезны. И еще, мистер Бенедикт, – ее голос упал до шепота, – мне действительно будет не хватать его.

Я остановил запись, прогнал тестовую программу и отрегулировал изображение. Затем вернулся в кресло и долго сидел, не надевая обруча.

– Гейб, – наконец произнес я.

Свет померк, и я очутился дома, в старом кабинете на третьем этаже, в мягком кресле, которое когда-то так любил. Казалось, ничего не изменилось. Я узнал отделанные панелями

стены, старую тяжелую мебель, шторы цвета красного дерева. В камине потрескивал огонь. И Габриэль стоял рядом.

Стоял так близко, что я мог бы дотянуться до него рукой, – высокий, худой, еще более поседевший, его лицо частично скрывала тень. Он молча прикоснулся к моему плечу, потом сжал его:

– Привет, Алекс.

Все это было лишь имитацией, но в тот момент я понял, как мне будет не доставать старого чудака. Эта мысль вызвала неоднозначные чувства, к тому же я был удивлен: Гейб принял бы свою судьбу, не подвергая никого испытанию процедурой сентиментального прощания. Это было на него не похоже.

Мне хотелось разрушить иллюзию, просто сидеть и смотреть, но приходилось отвечать, иначе изображение будет реагировать на молчание.

– Привет, Гейб.

– Поскольку я здесь, – грустно сказал он, – можно предположить, что дело плохо.

– Мне очень жаль.

Он пожал плечами:

– Бывает. Трудно выбрать менее подходящее время, но не всегда удается управлять событиями. Полагаю, тебе известны подробности. А может, и нет. Там, куда я собрался, есть шанс просто исчезнуть и никогда не появляться.

«Да, – подумал я, – но все случилось не так, как ты ожидал».

– Куда же ты собрался?

– Охотиться в Даме-под-Вуалью. – Он покачал головой, и я заметил, что его переполняет сожаление. – Иногда все складывается чертовски неудачно, Алекс. Надеюсь, что бы там ни случилось, оно случилось на обратном пути. Мне бы не хотелось умереть прежде, чем я все выясню.

Мольба, а это была именно мольба, повисла в воздухе.

– Ты так и не добрался до станции Сараглия, – ответил я.

– Вот как?

Гейб нахмурился и как-то сгорбился, будто сломался. Он отвернулся, обошел кофейный столик, стоявший на этом месте много лет, и неловко опустился в кресло напротив меня.

– Жаль.

Его движения стали более осторожными, а лицо, напоминающее лицо Дон Кихота, посерьезнело. Были ли это признаки старости или просто реакция на известие о собственной смерти? Во всяком случае, в нашем разговоре ощущалось нечто смутное, какая-то трепетная неопределенность, какой-то разлад.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал я откровенную глупость. При данных обстоятельствах замечание было мрачноватым, но Гейб, казалось, этого не заметил.

– Жаль, что нам не пришлось побеседовать хотя бы еще раз. Эта встреча – совсем не то.

– Да.

– Мне хотелось, чтобы мы лучше понимали друг друга.

На это нелегко было ответить. Гейб заменил мне и отца и мать, и у нас возникали обычные разногласия отцов и детей. Даже большие, потому что Гейб был идеалистом.

– Ты слишком усложнил наши отношения, – продолжал он.

Он имел в виду, что я неплохо устроился в жизни, продавая антиквариат частным коллекционерам. Занятие, которое он считал аморальным.

– Я не нарушал законы, – ответил я.

Мое возражение звучало бессмысленно, ведь теперь Гейб находится там, куда не докричишься. Осталась только иллюзия.

– Здесь ты бы их нарушал! Ни одно просвещенное общество не позволяет бесконтрольно заниматься такими вещами. – Гейб глубоко вздохнул и медленно выдохнул. – Оставим это. Я заплатил за свои принципы более высокую цену, чем мне хотелось бы, Алекс.

Сидящий передо мной человек был всего лишь компьютерной программой и знал только то, что было известно моему дяде в момент записи. У него не было ни тех принципов, которыми обладал дядя, ни настоящего чувства сожаления, которое испытывал я. Но это позволяло ему делать то, что хотелось бы сделать мне самому и чего я сделать не мог.

– Если бы я мог изменить прошлое, я бы не стал придавать этому такое значение.

– Но ты бы все же исчез.

– Конечно.

– Хорошо.

Он улыбнулся и с удовлетворением повторил мою реплику.

– Для тебя еще не все потеряно, Алекс.

Гейб поднялся, оттолкнувшись руками от кресла, открыл бар, извлек бутылку и два стакана.

– «Туманящий голову», – объявил он. – Твой любимый.

Хорошо быть дома!

Вступив в беседу с кристаллокопией, я нарушил свое правило – отдался во власть изображений и позволил себе принимать иллюзии за реальность. Только сейчас я осознал, как соскучился по этому украшенному панелями и заставленному книжными полками кабинету в задней части дома. Он всегда был одной из моих любимых комнат. Вторая находилась на чердаке – волшебное место, откуда я столько раз следил за лесом, ожидая появления драконов или вражеских солдат. Он пах сосной, свежими полотняными занавесками, касселитовыми книжными обложками и паленым деревом. Здесь полно экзотических фотографий: заброшенная башня, увитая плющом, которую охраняет непристойный идол, состоящий из брюха и зубов; разрушенная колонна в совершенно пустынной местности; маленькая группа людей у ступенчатой пирамиды, освещенной парой лун. На одной из стен висела репродукция картины Маркросса с изображением бессмертного «Корсаруса», а рядом – рисунки мужчин и женщин, с которыми работал Гейб, выполненные в технике многослойной печати, и среди них – мой портрет в четырехлетнем возрасте.

Здесь всегда было много разных вещей, найденных Гейбом во время полевых сезонов: игрушки, компьютеры, лампы, статуэтки. Даже сейчас я видел какой-то цилиндрический, весь в заклепках предмет под стеклянным колпаком.

Я поднял бокал, показывая, что пью за здоровье дяди. Он поднял свой, наши глаза встретились, и я почти поверил, что у нас с Гейбом наконец-то все наладилось. Напиток был теплым, довольно мягким и имел привкус прошлого.

– Тебе надо кое-что сделать, – сказал Гейб.

Он стоял перед картиной Ван Дайна, изображавшей развалины в Пойнт-Эдварде. Знаете, темные руины, а над ними красно-золотые кольца и скопление серебряных лун. Таким его нашли после нападения.

Кресло было удобным, даже сверхъестественно удобным, «Туманящий» – превосходным. Такой эффект всегда возникает от объектов, которые не существуют в реальности. Некоторые говорят, что совершенство портит иллюзию, что воспроизведение с кристаллов могло работать лучше, если бы физические ощущения были приглушены или имели какой-нибудь дефект, как в реальности.

– Что именно? – спросил я, полагая, что Гейб собирается попросить меня разумно вести дела поместья, следить, чтобы деньги шли на благое дело, не транжирить их на скиммеры и женщин.

Он помешал кочергой в камине. Пламя взметнулось ввысь, из-за решетки тяжело вывалилось полено, облако искр взлетело и растаяло. Я ощущал на лице жар.

– Как это случилось? Сердечный приступ? Проблемы с зафрахтованным кораблем? Меня переехало такси по дороге в космопорт?

Я не мог удержаться от улыбки, видя любопытство кристаллокопии:

– Гейб, корабль так и не вышел из прыжка.

– Ну какой сукин сын! – Сначала у него вырвался смешок, потом он разразился хохотом. – Значит, я погиб в обычном пассажирском рейсе!

Я тоже засмеялся. «Туманящий голову» согрел мой желудок, и я снова наполнил бокалы.

– Смешно, – сказал он.

– Самый безопасный вид путешествий на один пассажиро-километр, – заметил я.

– Будь я проклят, если еще раз сделаю такую ошибку. – Однако его смех затих, и последовало долгое молчание. – И все же мне бы хотелось увидеть.

Я ждал продолжения и, поскольку он молчал, подтолкнул его:

– Увидеть что? Что ты искал?

Он отмахнулся от вопроса:

– Сказать тебе честно, я чувствую себя не совсем удобно, делая все это. То есть было бы порядочнее, если бы люди не болтались тут после того, как... – Он помахал рукой в воздухе, подыскивая подходящее слово. – Ушли в лучший мир. – Его голос звучал неуверенно. Растерянно. – Мне пришлось принять меры предосторожности. – Его глаза округлились. – Ты помнишь Хью Скотта?

Я немного подумал, потом ответил:

– Нет.

– Полагаю, у тебя не было причины его запомнить. А как насчет Терры Нуэлы? Это ты помнишь?

Разумеется. Терра Нуэла была первым поселением, основанным за пределами Солнечной системы. Ее построили на горячей скалистой планете, вращающейся вокруг беты Центавра, и, конечно, сейчас это всего лишь дыра в пустыне. Именно туда Гейб впервые взял меня с собой на раскопки.

– Да, – сказал я, – самое горячее место из всех, какие я видел.

– Скотт тоже участвовал в том путешествии. Я подумал, что ты можешь помнить его. После захода солнца он водил тебя на прогулки.

– Допустим. – Я смутно припомнил крупного бородатого человека. Правда, в том возрасте мне все казались большими.

– Если бы ты увидел Скотта сейчас, ты бы его не узнал.

– Здоровье? – спросил я. – Супружеские проблемы?

– Нет. Ничего похожего. Около трех лет назад он вернулся из разведывательного полета. Вернулся мрачный, озабоченный, сбитый с толку, совершенно непохожий на себя. Как я подозреваю, психиатр мог бы прийти к выводу, что он подвергся глубокому изменению личности.

– И что?

– Он находился на борту «Тенандрома», большого нового корабля космической разведки. Они увидели нечто очень странное в Даме-под-Вуалью.

– Что именно?

– Он не захотел мне рассказать, Алекс. Ни в чем не признался.

– Тогда это просто твои догадки?

– Я знаю, что они увидели. Или, по крайней мере, думаю, что знаю. Я как раз летел туда, когда...

Он не смог продолжать, замолчал и махнул рукой, указывая на потолок.

– И что, по-твоему, они увидели?

– Не уверен, что могу много тебе рассказать, – вздохнул Гейб. – При таких передачах всегда существует проблема безопасности. Тебе тоже не захотелось бы, чтобы все вышло наружу.

– Почему?

– Поверь моему слову.

Гейб снова сидел в своем кресле и потирал лоб, как обычно это делал, стараясь что-то рассчитать.

– Тебе придется вернуться домой. Мне очень жаль, но по-другому нельзя. Все, что тебе нужно, находится у Джейкоба, в файле «Лейша Таннер». Адвокаты сообщат тебе код доступа. – Лицо Гейба помрачнело, и он вскочил с кресла. – Чертовски досадно пропустить такое, Алекс. Я тебе завидую.

– Гейб, у меня здесь дела. Я не могу просто взять и улететь.

– Понимаю. Наверное, мне легче найти помощь в другом месте. У меня есть несколько коллег, которые душу бы отдали за такую возможность, но мне хотелось возместить нам с тобой потерянные годы. Это мой дар и твоя награда, Алекс. Сделай, как я прошу, и ты никогда не пожалеешь. По крайней мере, мне так кажется.

– И больше ты ничего не скажешь?

– Остальное ждет тебя дома.

– Кто такая Лейша Таннер?

Гейб не ответил.

– Ты захочешь сам заняться этим. Пока ты еще не знаешь сути дела, я должен предупредить тебя, Алекс, что здесь важно выиграть время. Если в течение тридцати стандартных дней ты не явишься в контору «Бримбери и Конн», предложение направят другому лицу. Прости меня, но я не могу рисковать. Дело не должно ускользнуть от нас.

– Гейб, ты все-таки сукин сын.

Я произнес это небрежным тоном, и он улыбнулся:

– Вот что я тебе скажу. – У него был самодовольный вид. – Я знаю правду о Талино.

– Кто такой, черт побери, Талино?

Он вытянул губы трубочкой:

– Людик Талино.

– А, предатель.

Гейб кивнул.

– Да, – мечтательно произнес он.

– Штурман Кристофера Сима. Возможно, один из самых невезучих людей на свете.

– «Бесчестных» – более подходящее слово.

– Да. Спустя два столетия он все еще возбуждает страсти. – Теперь Гейб быстро ходил по комнате, настоящий фонтан энергии.

– А ведь он всегда утверждал, что невиновен.

Я пожал плечами:

– Все давно быльем поросло, Гейб. Мне понятен твой интерес, но меня удивляет такая секретность в связи с Талино. Будь добр, объясни суть дела!

– Мне не хотелось бы продолжать этот разговор, Алекс. Ты не представляешь, что поставлено на карту. Выезжай как можно скорее.

– Хорошо, будь по-твоему.

В действительности мне было глубоко наплевать на коллекцию глиняных горшков или на то, что Гейб нашел в этот раз. В каком-то смысле сейчас были последние минуты, которые мы проводили вместе, и я мог думать только об этом.

– Я сообщу адвокатам о своем приезде. Правда, нужно уладить здесь кое-какие дела. Не знаю, хватит ли мне тридцати дней. Но если это ждало два века, думаю, несколько месяцев затяжки не повлияют на результаты поездки.

– Нет! – Гейб наклонился ко мне, и в его глазах появился слабый намек на насмешку. – Вероятно, не повлияет, хотя тебе придется спросить «Бримбери и Конн». Я предоставил им некоторую свободу действий. Полагаю, все будет зависеть от того, сочтут ли они тебя надежным человеком. – Гейб подмигнул. – Когда ты ознакомишься с файлом, то можешь решить, что я действовал неправильно. У меня нет надежного способа предугадать твою реакцию, признаюсь, что и сам не пришел к окончательным выводам относительно собственного поведения в этой истории. Но я оставляю все на твое усмотрение, поскольку доверяю тебе. Жаль, что не могу быть с тобой до конца.

– Ты там будешь, – сказал я.

Гейб рассмеялся:

– Сентиментальная чепуха, Алекс. Меня уже нет, и все это меня больше не волнует. Вот так! Но если ты захочешь что-нибудь сделать для меня, то пошли после завершения дела подобающий сувенир в Институт Аккадии. – При мысли о такой перспективе он расплылся в улыбке. – Эти сволочи всегда называли меня дилетантом. – Гейб протянул ко мне руки. – Кажется, это все, Алекс. Я люблю тебя и рад, что могу поручить это дело тебе.

Мы обнялись.

– Спасибо, Гейб.

– Все в порядке. Я хочу, чтобы это осталось семейным делом. Так или иначе... – Я уже встал, но он продолжал смотреть мне в глаза. – Сделай все как надо, и нашими именами назовут университеты.

– Не знал, что тебя волнует такая чепуха.

Его губы изогнулись в насмешливой улыбке.

– Я уже умер, Алекс. Мне приходится думать о будущем.

II

*ТАЛИНАСТЫЙ, прил.: 1) склонный отступить перед опасностью; 2) робкий, жалкий; 3) характерный для труса. (См. ТРУСЛИВЫЙ).
Синонимы: трусливый, малодушный, ненадежный, пугливый, слабый в коленках.*

Людик Талино – на протяжении двух столетий это имя вызывало лишь презрение и жалость. Оно никогда не порождало столь сильных чувств, как имя Иуды или Бенедикта Арнольда, предавшего доверившихся ему и активно участвовавшего в уничтожении людей, которым он поклялся хранить верность. Талино никогда не был предателем в этом смысле. Никто не верил, что он мог бы продать своего капитана врагам. Однако проступок, в котором Талино обвиняли и синонимом которого стало его имя, был еще более постыдным: в решительный момент он бежал.

Я послал в библиотеку запрос на ТАЛИНО и провел вечер, читая отчеты об этой старой истории.

Сообщения тех лет были фрагментарными. Насколько мне известно, не уцелело ни одного деллакондского корабля эпохи Сопротивления, многие банки данных были стерты, и в живых тогда осталось всего несколько свидетелей.

О самом Талино известно мало. Возможно, он был деллакондцем, но существуют доказательства в пользу того, что он родился в Городе-на-Скале и, как утверждает один крупный историк, вырос на Окраине. Наверняка известно только то, что, когда началась война, Талино уже служил дипломированным техником на одном из десяти деллакондских фрегатов. Почти два года он прослужил на «Прокторе» в качестве специалиста по вооружению и штурмана, а потом получил должность штурмана на знаменитом корабле Сима «Корсариус».

Очевидно, воевал Талино вполне достойно. После сражения у Гранд-Салинаса он был представлен к награде лично Симом, хотя все записи потеряны, и получить подтверждение невозможно. Во всяком случае, Талино оставался на этом легендарном корабле в течение великих дней Сопротивления, когда «Корсариус» возглавлял объединенный флот из шестидесяти фрегатов и эсминцев. Флот сдерживал крупные силы ашиуров. В конце концов Окраина, Токсикон и другие внутренние системы поняли общую опасность, оставили старые распри и объединились для ведения войны. Но к тому времени Кристофера Сима и «Корсариуса» уже не было на свете.

После Гранд-Салинаса, когда деллакондцы и их союзники остались с ничтожно малыми силами, лишившись последней надежды, Сим увел остатки флота к Эбонаю для ремонта и пополнения боезапаса. Но ашиуры, почувствовав возможность покончить со старым врагом, упорно преследовали его, и деллакондцы приготовились к битве, которая, они не сомневались, станет для них последней.

Тогда, накануне сражения, случилось нечто, давшее пищу историкам на последующие два столетия.

Большинство источников утверждало, что Талино и шесть членов экипажа «Корсариуса» попытались убедить капитана прийти к соглашению с безжалостным врагом, а когда Сим отказался, покинули его. Говорили, что предатели, оставив послание, проклинающее капитана и войну, сбежали на Эбонай.

Другие же утверждали, что Сим, убедившись в бесплодности дальнейшего сопротивления, созвал экипаж и освободил его от всех обязательств. У меня эта версия всегда вызывала недоверие. Конечно, легко сидеть в теплой комнате и клеймить позором поступки, совершенные в крайних обстоятельствах, но мне было противно сознавать, что Талино с товарищами

мог воспользоваться благородством Сима и бросить своего капитана. Это было бы даже более достойно презрения, чем прямое предательство и бегство под покровом темноты.

Так ли это было или иначе, но именно это событие породило легенду о том, что Сим спустился на Эбонай, прошел по притонам угрюмой планеты, обратился за помощью к дезертирам, бродягам, беглым преступникам и в конце концов совершил с ними свой последний – бессмертный – рейд против подавляющих сил противника.

То были времена великих свершений. Каждый ребенок Конфедерации знал историю о семи безымянных мужчинах и женщинах с мрачной планеты, согласившихся пойти с Симом, и об их гибели несколько часов спустя во время последней стычки с врагом. Большинство исследователей придерживались мнения, что в прошлом они служили во флоте, хотя некоторые считали их простыми техниками. В любом случае герои стали популярной темой докторских диссертаций, романов, живописных полотен и серьезных драматических произведений.

Фактического материала о Талино было мало. Даты рождения и смерти. Диплом инженера, Университет Шенка, Токсикон. Бросил своего капитана. Никаких официальных обвинений не зарегистрировано, так как флот, на котором он служил, прекратил существование вскоре после его предательства.

Я затребовал импрессионистскую трагедию Баркрофта «Талинос». Он прибавил окончание «с» к имени, чтобы придать ему аристократизм и создать драматический эффект. Я намеревался бегло просмотреть ее, но увлекся с первого же акта. Это меня удивило, потому что я не большой поклонник классического театра.

Поджарый бородатый актер-кристаллокопия играл роль Талино, представляя его гонимой, меланхолической личностью и добиваясь впечатляющего эффекта физического присутствия. Его снедает ярость к ашиурам и могущественным планетам, которые бездействуют, пока небольшие силы союзников несут всё больший урон. Его верность Кристоферу Симу, страсть к Инаиссе, молодой жене, так и не нашедшей покоя в супружеской жизни, подогревают динамику пьесы. Действие происходит накануне решающей схватки в окрестностях Ригеля.

Сим уже потерял надежду уцелеть, но намеревается спасти экипаж. Он один поведет «Корсариус», нанесет столько ударов противнику, сколько сможет, и примет смерть, которая, даст бог, объединит человечество.

– Если же нет, – говорит он Талино, – если они все же не придут, то тебе предстоит спасти что сможешь. Выходи из боя. Улетай в Даму-под-Вуалью. Настанет время, когда и Земле, и Окраине придется принять участие в битве. Тогда ты сможешь вернуться и научить этих проклятых глупцов, как бить «немых».

Серые затененные декорации дышали тоской и отчаянием. Орбитальная станция у Эбонай походила на средневековую крепость: массивное сооружение, длинные переходы, редкие стражи, приглушенные голоса людей, спертый воздух. И над всем этим витает ощущение бренности жизни и трагедии. Ход событий вышел из-под контроля человека.

Талино отказывается выполнить приказ капитана.

– Пошлите кого-нибудь другого объединять уцелевших, – отвечает он. – Мое место с вами.

Сим, уступая минутной слабости, благодарит его, но колеблется. Талино настаивает:

– Не унижайте меня.

И Сим неохотно соглашается. Они вместе пойдут в последнюю атаку.

Талино должен сообщить эту новость Инаиссе. Она надеялась, что боевые действия прекратятся, и прямо говорит о намерении Сима пойти на смерть и «забрать тебя с собой». Она не просит мужа нарушить обещание, понимая, что если он это сделает, то их будущая жизнь окажется разбитой.

Инаисса идет к Симу и доказывает ему, что его смерть деморализует деллакондцев и дело будет проиграно. Когда ей не удается убедить капитана, женщина просит доверить ей одно из орудий, чтобы до конца остаться с мужем.

Сим тронут ее просьбой и приказывает Талино покинуть корабль. Когда штурман отказывается, его запирают на орбитальной станции, откуда он может наблюдать, как техники заканчивают ремонт «Корсариуса» и готовят его к бою. Талино также замечает прибытие экипажа, вызванного командиром в неурочный час. Он пытается подключиться к корабельной системе, чтобы прослушивать разговоры на борту, но кто-то перерезал внешнюю проводку. Через несколько минут после прибытия члены экипажа с угрюмыми лицами покидают корабль.

Они приходят на орбитальную станцию и выпускают Талино. Сим освободил их от обязательств. Талино пытается убедить пилотов вернуться на корабль, но они знают, что ждет их на следующий день.

– Если бы наше присутствие могло спасти его, – говорил один из них, – мы бы остались, но он твердо решил умереть.

Освобожденный Талино идет к Инаиссе, чтобы проститься с ней и вернуться к капитану. Когда она отказывается покинуть его, Талино приказывает увести ее силой. Однако его собственная решимость вскоре угасает, и он направляет Симу сообщение: «Я принимаю предложение моего капитана; не могу поступить иначе, да поможет мне Бог...»

Но Инаиссе, решившей сопровождать мужа, удается занять место среди Семерки. Таким образом, Талино теряет и честь, и жену.

Предположение о том, что Инаисса входила в число семи добровольцев, до сих пор было мне незнакомо. Существовали две голографические статуи того периода, изображающие ее на борту «Корсариуса». Один скульптор поставил ее у пульта управления, разместив слева фигуру Сима. Другой изобразил момент, когда капитан узнает ее.

Имелись сотни вариантов этой истории, бесчисленные описания характера Талино и мотивов его поведения. Иногда его изображали проигравшимся и обремененным долгами, принимающим деньги от агентов противника; иногда – обиженным на то, что ему не доверили командовать кораблем; иногда – соперником Сима в тайном романе, сознательно организовавшим гибель командира.

Есть ли правда в этом нагромождении мифов и фантазий? Что имел в виду Гейб?

Значительное внимание уделялось и другим аспектам события. Роман Арвена Кимонидеса «Марвилл» написан от лица молодого человека, присутствовавшего на совещании Семерки, но потом смалодушничавшего. С тех пор он живет с большой совестью. Принято считать, что Микал Киллиан, великий конституционный арбитр, которому во время битвы у Ригеля могло быть лет восемнадцать, пытался стать одним из добровольцев, но получил отказ. Вайтбери вывел на сцену своего знаменитого циника Эда Барбера. Эд не только сам не хотел стать добровольцем, но даже удержал от подобного намерения молодую женщину, которая, по его мнению, заслуживала лучшей доли. Десяток других романов и пьес, пользовавшихся в свое время популярностью, изображали либо свидетелей призыва Сима, либо членов Семерки.

Существовало также множество светокартин, фотоконструкций и одна крупная симфония. В шедевре Санригала «Сим у врат ада» рядом с великим капитаном находились трое неизвестных героев. В «Инаиссе» Чигорина жена Талино живет среди наркоманов и отбросов общества, а в «Финале» Моммзена какой-то бродяга в лохмотьях помогает Симу справляться с управлением подбитого «Корсариуса», раненый член экипажа лежит ничком на палубе и проститутка с Эбона жмет на гашетки орудий.

Я подозреваю, что Сим все-таки заставил экипаж почиститься и помыться, и когда наступил конец, то он был внезапным и всеобщим. Впрочем, какого черта! Это отличное произведение искусства, хотя и не очень правдоподобное.

Дезертиры исчезли из поля зрения, став объектом всеобщей ненависти. Талино прожил почти полвека после гибели своего капитана. Говорили, что совесть не давала ему покоя, а негодование окружающих гнало его с планеты на планету. Он умер на Окраине, почти сумасшедшим.

Я не смог найти записей об Инаиссе. Баркрофт настаивает на том, что она существовала, однако не приводит ссылок на источник. Его утверждение о разговоре с Талино ничем не подтверждено. Сам Талино тоже упоминал о ней.

Историки развлекались два столетия, пытаясь угадать имена добровольцев, даже спорили о том, не было ли их в действительности шесть или восемь. За прошедшие столетия статус Семерки вырос, они стали не просто героями войны, а символом самых благородных черт Конфедерации – взаимных обязательств правительства и самых ничтожных из граждан.

Я уладил все дела и собрался домой.

К счастью, моя связь с миром, в котором я жил последние три года, была весьма слабой, поэтому мне не составило труда завершить дела, договориться о продаже большей части имущества и упаковать остальное. Я попрощался с несколькими друзьями, обещая, как обычно, когда-нибудь их навестить. Это было шуткой, принимая во внимание расстояние от Рэмбакля до Окраины и мою ненависть к межзвездным кораблям.

В тот день, когда я должен был улететь, от «Бримбери и Конна» пришло второе извещение. На этот раз письменное.

«С сожалением вынуждены сообщить, что дом Габриэля был взломан. Воры похитили кое-что из электронного оборудования, серебро и другие предметы. Ничего ценного. Они не взяли артефактов. Мы предприняли шаги, чтобы этого больше не повторилось».

Происшествие показалось мне подозрительным. Меня беспокоила сохранность файла «Таннер», поэтому я обдумывал возможность послать адвокатам запрос до отлета на Окраину. Однако из-за огромных расстояний ответ мог прийти дней через двадцать. Я выбросил из головы эту мысль, решив, что у меня просто разыгралось воображение, и отправился домой.

Как я уже говорил, межзвездные перелеты приводят меня в ужас. Многие испытывают тошноту при переходе из пространства Армстронга в линейное и обратно, но для меня это особенно тяжело. К тому же я с трудом приспосабливаюсь к изменениям гравитации, времени и климата.

Более того, подобные путешествия – дело непредсказуемое, никто не знает, когда придет к месту назначения. Корабли, перемещавшиеся в пространстве Армстронга, не могли определить свое положение по отношению к внешнему миру. Применялся метод счисления пути, то есть компьютеры измеряли бортовое время, пытаясь компенсировать неточности при входе. Иногда векторы смещались, и корабли материализовывались за тысячи световых лет от места назначения.

Но наибольшую опасность при возврате в линейное пространство представляла возможность оказаться внутри физического объекта. Хотя вероятность этого была крайне мала, я думал об этом всякий раз, когда корабль готовился совершить обратный прыжок. Никогда не знаешь наверняка, где вынырнешь.

Существуют доказательства, что почти полвека назад именно это случилось с «Хэмптоном», небольшим грузовым судном, которое, как и «Капелла», исчезло в нелинейном пространстве. «Хэмптон» вез промышленные товары шахтерам в системе Мармикона. Примерно в то время, когда корабль должен был выйти из гиперпространства, взорвалась внешняя планета – газовый гигант Мармикон-IV. Никто еще не дал объяснения, почему планета может взрываться без посторонней помощи. Специалисты того времени пришли к выводу, что корабль материализовался внутри железного ядра и причиной взрыва послужила антиматерия из двигателей Армстронга.

Генераторы Армстронга были снабжены отражателями, создающими достаточно сильное поле, чтобы убрать с дороги несколько случайных атомов и расчистить место для перехода корабля в линейное пространство. Любое более крупное тело, попавшее в такую зону во время критической фазы полета, представляло опасность для корабля. Конечно, реальная опасность была невелика. Корабли материализовывались далеко за пределами звездных систем, что обеспечивало относительную безопасность, но путешественникам приходилось потом долго добираться до места назначения. Как правило, полет от точки выхода из пространства Армстронга до того места, куда вы хотите попасть, занимал примерно вдвое больше времени, чем само перемещение между звездными системами. Я бы никогда не отправился в путешествие, длящееся больше пяти дней.

Мой перелет на Окраину не стал исключением, и я чувствовал себя ужасно плохо во время прыжков в обе стороны. Персонал раздавал лекарства, помогающие перенести этот кошмар, однако мне это никогда не помогало. Я предпочитаю полагаться на выпивку.

И тем не менее мне было приятно снова увидеть Окраину. Мы подошли к ней с ночной стороны, поэтому я мог полюбоваться сверкающими искорками городов. Солнце освещало дугу атмосферы вдоль края планеты, в противоположном иллюминаторе виднелась бледно-коричневая луна, штормовая, с пятнышками бушующих смерчей.

Мы скользнули на орбиту, пересекли терминатор, вышли на дневную сторону и несколько часов спустя уже снижались сквозь омытое солнцем небо к Андиквару, столице планеты. То было волнующее зрелище. Но я все равно дал себе обещание закончить на этом свои межзвездные перелеты. Я – дома и, клянусь Богом, собираюсь остаться здесь навсегда.

Над столицей мы попали в снегопад. Солнце, садившееся на западе, бросало тысячи разноцветных лучей на замерзшие башни и пики гор на востоке. Обширные парки столицы почти исчезли под снежной пеленой. В Треугольнике Конфедерации стояли два монумента, отливающие синевой и дышащие вечностью: дорическая пирамида Кристофера Сима, освещенная вершина которой ярко сияла на фоне сгущающейся темноты, и напротив нее, на противоположном берегу Белого Бассейна, призрачный огромный шар Тариена Сима, символ мечты этого государственного деятеля об объединении Человечества в единую семью.

Я снял номер в гостинице, зарегистрировался в сети на тот случай, если кто-нибудь захочет связаться со мной, и принял душ. Несмотря на ранний час и усталость, уснуть я все же не смог. Прележав без сна около часа, я побрел вниз, съел сэндвич и связался с «Бримбери и Конном»:

– Я в городе.

– Добро пожаловать домой, мистер Бенедикт, – ответил их искин. – Не можем ли быть вам чем-нибудь полезны?

– Мне нужен скиммер.

– Стоянка на крыше вашей гостиницы, сэр. Я закажу для вас машину. Вы свяжетесь с нами завтра?

– Да, – ответил я. – Возможно, утром. И спасибо.

Я поднялся на крышу, взял скиммер, ввел на пульте код местонахождения дома Гейба и через пять минут уже набирал высоту.

Аллеи и проспекты заполняли туристы. Люди гуляли под прикрытием силового поля, которое защищало их от падающего снега. Теннисные корты были переполнены, а детишки плескались в бассейнах. Андиквар всегда хорош ночью, с мягко освещенными садами, двориками и башнями, с извилистой, молчаливой и глубокой рекой Наракобо. Пока я проплывал над этим мирным пейзажем, передали очередную сводку новостей, в которой сообщалось о нападении «немых» на исследовательский корабль связи, слишком близко подошедший к Периметру. Погибли пять или шесть человек.

Я летел уже над западными окраинами Андиквара. Снег валил все сильнее. Откинув спинку сиденья, я поудобнее устроился в теплой кабине. На инфракрасных экранах отражалась земля, проплывающая в сотнях метров подо мной: пригороды распались на маленькие городишки, холмы стали выше, появились леса. Иногда на дисплее мелькала дорога, а через двадцать миль я пересек Мелони, которая во времена моего детства более или менее точно ограничивала территорию проживания человека.

Мелони видна из окна моей спальни в доме Габриэля. Когда я впервые поселился там, ее извилистое русло бежало по таинственной непокоренной местности – пристанищу призраков, грабителей и драконов.

Янтарный сигнальный огонек предупредил меня о прибытии к месту назначения. Я изменил курс скиммера и спустился пониже. Сейчас темный лес выглядел безобидно, укрошенный спортивными площадками, плавательными бассейнами и пешеходными дорожками. В течение многих лет я наблюдал за отступлением лесной глуши, считая парки, дома и склады. И в эту заснеженную ночь я летел и знал, что Гейба больше нет, а с ним исчезло многое из того, что он любил.

Переключившись на ручное управление, я прошел над верхушками деревьев. Дом медленно выплывал из снежной бури. На площадке стоял чей-то скиммер.

«Наверное, Гейба», – подумал я, опустившись на лужайку перед домом.

Дом.

Вероятно, это единственный настоящий мой дом, и мне грустно было видеть его обнаженным и незащищенным на фоне низко нависшего серого неба. По преданиям, где-то поблизости потерпел крушение Джордж Шейл со своим экипажем. Сейчас только историк может рассказать, кто первый ступил на поверхность Окраины, но все на планете знают тех, кто при этом погиб. Мой первый крупный проект был посвящен поискам обломков этого корабля, однако, если они и существовали, найти их мне не удалось.

Когда-то наш дом служил постоянным двором, дававшим приют охотникам и путешественникам. Теперь большая часть лесов вокруг уступила место особнякам и квадратным лужайкам. Гейб сделал все возможное, чтобы сохранить первозданную лесную глушь. Это была замечательная битва, как и все битвы против прогресса. В последние годы нашей совместной жизни Гейб становился все более раздражительным, часто ссорился с теми, кто имел несчастье поселиться по соседству. Вряд ли соседи жалеют о его смерти.

Спальня находилась на самом верхнем, четвертом этаже. Жалюзи на двойных окнах оказались закрытыми. К ним тянулись ветки двух деревьев, с одной стороны они переплелись и образовали королевское кресло, в которое я любил забираться, вызывая у Гейба испуг и негодование. Во всяком случае, он позволял мне так думать.

Я откинул фонарь кабины и вышел из скиммера. С неба продолжал тихо падать снег, где-то играли дети, с освещенной улицы доносились возбужденные возгласы, я слышал мягкое шуршание лыж на белых лужайках и улицах. Натриевый фонарь под дубом лил мягкий свет на скиммер и на печальные окна фасада.

– Привет, Алекс. Добро пожаловать домой, – произнес знакомый голос.

Лампочка над входом мигнула.

– Привет, Джейкоб, – отозвался я.

Джейкоб был не совсем искином. Он представлял собой сложную информационную систему с обратной связью, и его основной задачей, по крайней мере раньше, было поддерживать любую беседу на том уровне, который устраивал Гейба в данный момент, и на тему, выбранную Гейбом. Иногда даже забывалась реальная природа Джейкоба. Для настоящего искина такое обращение оказалось бы жестоким и необычным.

– Рад снова видеть вас, – сказал он. – Жаль, что так получилось с Гейбом.

Снег уже доходил до лодыжек, а поскольку моя одежда не была рассчитана на такую погоду, он попал в туфли.

– Мне тоже.

Дверь распахнулась, и гостиная наполнилась светом. Где-то в доме смолкла музыка. *Смолкла.* Вот такие вещи и делали Джейкоба живым.

– Это так неожиданно. Мне будет не хватать его.

Джейкоб молчал. Я прошел мимо злобного каменного демона, обитавшего в доме задолго до моего появления, снял куртку и направился в рабочий кабинет, ту самую комнату, откуда Гейб послал мне свое последнее сообщение. Раздался резкий треск, как от сломавшейся ветки, и в камине появилось пламя. Как давно я его не видел! На Рэмбакле никогда не было ни лесов, ни необходимости жечь их. Сколько же времени прошло с тех пор, как я видел снег? Или плохую погоду?

Я вернулся и вдруг почувствовал себя так, будто никогда и не уезжал.

– Алекс?

В голосе искина слышалось нечто почти жалобное.

– Да, Джейкоб. Что случилось?

– Есть нечто такое, о чем вы должны знать.

Где-то в глубине дома тикали часы.

– Да?

– Я вас не помню.

Я замер, наполовину опустившись в то самое кресло, в котором сидел во время имитации нашей беседы с Гейбом.

– Что ты имеешь в виду?

– Адвокаты сообщили вам, что произошло ограбление?

– Да.

– Очевидно, вор пытался скопировать мой центральный блок. Основную память. Должно быть, Габриэль предвидел такую возможность. Для подобного случая система была запрограммирована на полное уничтожение записей. Я не помню ничего, что было до того, как власти реактивировали меня.

– Но как же...

– «Бримбери и Конн» запрограммировали меня на то, чтобы я вас узнал. Я пытаюсь объяснить вам, что знаю о вас, но непосредственных воспоминаний у меня не сохранилось.

– Разве это не одно и то же?

– Остаются некоторые пробелы.

Мне показалось, что искин собирается что-то добавить, но он замолчал.

Джейкоб жил здесь двадцать лет. В детстве я играл с ним в шахматы, мы воспроизводили крупные сражения полудюжины войн, беседовали о будущем, когда дождь хлестал в стекла больших окон. Мы строили планы вместе обойти под парусом всю планету, а позднее, когда мое честолюбие возросло, мы говорили о звездах.

– А как насчет Гейба? Ты ведь помнишь его?

– Я знаю, что он бы мне понравился. По его дому видно, что у него были разнообразные интересы, он заслуживал того, чтобы быть с ним знакомым. Меня утешает то, что я действительно знал его. Но – я его не помню.

Я сидел, прислушиваясь к треску огня в камине и шороху снега за окнами. Джейкоб не был живым. Из нас двоих только я мог испытывать какие-то чувства.

– Как насчет информационных файлов? Насколько я понимаю, кое-что исчезло.

– Я проверил указатель. Они взяли кристалл с данными. Но он ничем не может быть полезен грабителю. Чтобы получить доступ к информации, нужно знать код.

– Файл «Таннер», – уверенно сказал я.

- Да. Откуда вы знаете?
- Догадался.
- Очень странно красть то, что нельзя использовать.
- Все остальное – только для отвода глаз, – объяснил я. – Они точно знали, что им нужно.

Сколько их было? Ты кого-нибудь узнал?

- Перед тем как войти, они отключили энергоснабжение, Алекс. Я не функционировал.
- Как они это сделали?
- Очень просто. Разбили окно, забрались в служебное помещение и перерезали кабель.

Там, внизу, у меня не было камер визуального наблюдения.

- Проклятье. Разве здесь нет какой-нибудь системы сигнализации?

– О да, есть. Но знаете, сколько прошло времени с тех пор, как в этом районе было совершено последнее преступление?

- Нет.
- Десятилетия. Полицейские подумали, что произошел сбой, и не сразу отреагировали.

Но даже будь они более проворными, вор мог бы проделать все за три минуты, если хорошо знал план дома и точно представлял себе, за чем охотится.

- Джейкоб, над чем работал Гейб, когда погиб?
- Не знаю, имелась ли у меня когда-нибудь такая информация, Алекс.
- Насколько хорошо защищен файл «Таннер»? Ты уверен, что вор не сможет им воспользоваться?

– Возможно, лет через двадцать. Необходимо, чтобы ваш голос произнес секретный код, хранящийся у «Бримбери и Конна».

– Вору не составит труда получить запись моего голоса и продублировать его. Нам лучше уведомить адвокатов, чтобы они приняли меры предосторожности.

- Уже сделано, Алекс.
- А если они тоже замешаны?
- У них нет доступа к коду. Они могут только передать его вам.
- Из чего он состоит?

– Последовательность цифр, которые должны быть произнесены вашим голосом или точной его копией за промежуток времени не менее полной минуты. Это предохраняет от скоростной компьютерной атаки. Любая попытка проникновения в обход этих условий вызовет немедленное уничтожение файла.

- Сколько же там цифр?
- Обычно четырнадцать. Я не знаю, сколько использовал Гейб.

Я молча смотрел на огонь. На улице горели желтые шары фонарей, ветер качал деревья, вокруг скиммера постепенно вырастал сугроб.

- Джейкоб, кто такая Лейша Таннер?
- Минуточку.

Свет в комнате померк.

Снаружи с грохотом захлопнулась металлическая дверь.

У окна появилось голографическое изображение женщины в вечернем платье, она отвернулась в сторону, словно ее внимание привлекла метель. В неярком свете камина и натриевой лампы за окном женщина выглядела щемяще красивой. Она казалась погруженной в свои мысли, в ее невидящих глазах отражался заснеженный пейзаж.

– Здесь ей тридцать с небольшим. Снимок сделан, когда она работала преподавателем в Тейярдианском университете на Земле. Он датируется тысяча двести пятнадцатым годом по нашему времени.

Через шесть лет после Соппротивления.

- Боже мой, а я подумал, что это человек, с которым я смогу поговорить.

– О нет, Алекс. Она давно умерла. Более столетия назад.

– Какое отношение она имеет к проекту Гейба?

– Не знаю.

– А кто-нибудь может это знать?

– Понятия не имею.

Я налил себе ликера, настоящего «Туманящего голову».

– Расскажи мне о Таннер. Кем она была?

– Ученая. Преподаватель. Более всего известна своими переводами ашиурского философа Тулисофалы. Они еще пользуются вниманием специалистов, и некоторые авторитеты в этой области считают их каноническими. У нее есть и другие работы, но большинство из них почти забыты. Она работала преподавателем ашиурской философии и литературы в различных университетах сорок стандартных лет. Родилась на Каха Луане в тысяча сто семьдесят девятом году. Была замужем. Вероятно, есть ребенок.

– Что еще?

– Она имела удостоверение звездного пилота с правом вождения малых судов. Активный участник Движения за мир в годы войны. В документах также указывается, что она – офицер разведки и дипломат Деллаконды.

– Борец за мир и офицер разведки.

– Так говорится в документах. Мне это тоже непонятно.

Джейкоб повернул изображение. Взгляд женщины скользнул мимо меня. Линия слегка вздернутого подбородка придавала ей вызывающий вид. Слегка приоткрытые губы обнажали ровный ряд белых зубов (но это не было улыбкой), лоб скрывали густые рыжие волосы.

– А во время войны она была на «Корсариусе»?

Пауза.

– В общих файлах недостаточно сведений, Алекс. Но не думаю. Скорее, она была связана с «Меркуриелем», флагманом деллакондцев.

– Я думал, флагманом был «Корсариус».

– Нет. «Корсариус» был только фрегатом. Обычно Сим сражался именно на нем, но судно не вполне подходило для размещения штаба. В этих целях деллакондцы использовали два разных корабля. «Меркуриель» был подарен им в разгар войны мятежниками Токсикона. Его специально оборудовали для командования и управления, и он носил имя токсиконского добровольца, погибшего в Щели.

– Еще что-нибудь о ней известно?

– Могу назвать ее звание, дату отставки и тому подобное.

– И все?

– Возможно, есть еще кое-что интересное.

– Что именно?

– Минуточку. Как вы понимаете, пока мы беседуем, я одновременно просматриваю записи.

– Хорошо.

– Но вы должны понять, что эта женщина – довольно загадочная личность и о ней известно очень мало.

– Ладно. К чему ты клонишь?

– По-видимому, она вернулась с войны в состоянии глубокой депрессии.

– В этом нет ничего необычного.

– Конечно. Я бы и сам так ответил. Но она очень долго не могла оправиться. Фактически много лет. Имеется упоминание, что Таннер в тысяча двести восьмом году посетила Маурину Сим, то есть через год после смерти Сима на Ригеле. Нигде не говорится, о чем они беседовали. Странно еще и то, что эта Таннер имела обыкновение на длительное время исчезать из поля

зрения. Однажды почти на два года. Никто не знает почему. Это продолжалось до тысяча двести семнадцатого года, после чего сообщения о необычных поступках Таннер прекратились. Хотя это не означает, что таковых не было.

На первый вечер с меня было достаточно. Я перекусил и выбрал комнату на третьем этаже. Спальня Гейба находилась рядом, в передней части дома. Я зашел туда, скорее, из любопытства, но под предлогом, что мне нужна удобная подушка.

На стенах висели фотографии: большинство было сделано на раскопках, несколько моих детских снимков. И еще портрет той женщины, которую Гейб когда-то любил. Ее звали Рия, она погибла в аварии за двадцать лет до того, как я поселился в этом доме. Я позабыл о ней во время своего долгого отсутствия, но она все еще занимала почетное место на столике между двумя изысканными вазами, вероятно среднеевропейского происхождения. Минуту я внимательно смотрел на нее, чего не делал с тех пор, как стал взрослым человеком. Рия выглядела почти по-мальчишески: стройное тело, каштановые волосы коротко подстрижены, сидит, обхватив руками колени; ее поза позволяла предположить в ней ничем не подавляемую жизнерадостность, но в ее взгляде крылось нечто, заставившее меня долго вглядываться в ее лицо. Насколько мне известно, Гейб никогда не был духовно связан ни с какой другой женщиной.

На столике сбоку лежал сборник стихов Уолдорфа Кэндлза «Слухи Земли», и, хотя я никогда не слышал об этой книге, мне была известна репутация Кэндлза. Он принадлежал к тем поэтам, которых никто не читает, но которых надо знать, если хочешь слыть образованным человеком.

Книга, однако, возбудила мое любопытство по нескольким причинам: Гейб никогда не проявлял большого интереса к поэзии, Кэндлз был современником Кристофера Сима и Лейши Таннер. Когда я взял сборник, он раскрылся на стихотворении «Лейша».

Затерянный пилот
Вдали от Ригеля
Несется по орбите
Одна в ночи
И ищет Колесо
Из звезд...
В морях времен ушедших
Оно кружится,
Отмечая год.
Девять звезд на обode
И две у ступицы.
Она,
Блуждая,
Не знает отдыха,
Покинув
Свою гавань
И меня.

В примечании говорилось, что оно написано в 1213 году, за два года до смерти Кэндлза и через четыре года после окончания войны. Там же приводились какие-то рассуждения о стиле, редакция высказывала мнение, что «стихотворение посвящено Лейше Таннер, причинявшей беспокойство друзьям своими периодическими исчезновениями в период между 1208-м и 1216-м годом и никогда не объяснявшей причины своего отсутствия».

III

Они послали один-единственный корабль, и тот пронесся над вершинами мира. И когда увидели они, что илиандцы бежали, ужасный гнев охватил их. И они сожгли все пустые дома, и покинутые парки, и молчаливые озера. Они сожгли все.

Экрон Гэррити. Армагеддон

Я провел в доме ночь, не спеша насладился завтраком, а потом устроился в большом кресле в кабинете. Из окна падал солнечный свет, и Джейкоб заявил, что рад видеть меня поднявшимся так рано.

– Не хотите ли побеседовать о политике? – спросил он.

– Потом.

Я огляделся в поисках обруча.

– В ящике письменного стола, – подсказал Джейкоб. – Куда вы собрались?

– В контору «Бримбери и Конн».

Я примерил обруч, он съехал мне на уши.

– Когда будете готовы – скажите. Я держу канал.

Источник света сместился, кабинет исчез, его заменил современный зал для совещаний, отделанный под хрусталь. Где-то звучала приятная музыка, и сквозь одну из стен я мог любоваться Андикваром с высоты, превосходящей высоту любого сооружения в этом городе. Уже знакомая мне по прошлому сеансу связи высокая и смуглая женщина, выглядевшая теперь несколько официально, материализовалась у двери. Она улыбнулась, энергичной походкой подошла ко мне и протянула руку:

– Мистер Бенедикт, я – Капра Бримбери, младший партнер фирмы.

Это подтверждало мое первоначальное предположение, что наследство Гейба имело гораздо большую стоимость, чем я воображал. День обещал быть удачным.

Голос ее звучал приглушенно-доверительно. Таким тоном разговаривают с человеком, на время ставшим тебе ровней. Пока мы беседовали, Капра излучала такой энтузиазм, словно приветствовала нового члена клуба избранных.

– Нам будет его не хватать, – сказала она. – Мне бы хотелось найти нужные слова.

Я поблагодарил ее, и она продолжила:

– Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы облегчить вам вступление в права наследства. Думаю, за поместье удастся получить очень хорошую цену. Разумеется, при условии, что вы хотите его продать.

Продать дом?

– Я не думал об этом.

– За него можно получить довольно много денег, Алекс. Когда решите, дайте нам знать, и мы будем рады вести ваши дела.

– Спасибо.

– Мы пока не смогли установить точную стоимость поместья. Имеется, как вы понимаете, много неясностей: произведения искусства, антикварные вещи, предметы с раскопок и тому подобное. Все это затрудняет оценку. Не говоря уже об обширных земельных участках, стоимость которых ежечасно колеблется. Как я понимаю, вы хотите пользоваться услугами брокера вашего дяди?

– Да, конечно.

– Хорошо.

Она небрежно сделала у себя пометку, как будто мое решение не имело особой важности.

– А как насчет ограбления? – спросил я. – Что-нибудь узнали?

– Нет, Алекс. – Она понизила голос. – Странное дело. Я хочу сказать, что никто такого не ожидал. Чтобы кто-то вламывался в чужой дом?! Используя газовый резак, они проделали дыру в двери черного хода. Мы были в ярости.

– Не сомневаюсь.

– И полиция тоже. Они ведут расследование.

– Что именно похищено? – спросил я.

– Трудно сказать. Если ваш дядя вел учет, то список пропал, когда стерли центральную память. Нам известно, что взяли голографический проектор и что-то из серебра. Возможно, какие-то редкие книги. Мы пригласили его друзей, чтобы они попытались определить, что пропало. И еще, возможно, драгоценности.

– Сомневаюсь, чтобы их было много, – заметил я. – Но в доме есть несколько чрезвычайно ценных артефактов.

– Да, нам это известно. Мы проверили их по списку страховой компании. Все на месте.

Капра снова перевела разговор на финансовые дела, и в конце концов я согласился почти со всеми ее предложениями. На вопрос о секретном коде она вынула коробочку, у которой разрушается запор после того, как ее откроют.

– Она откроется на звук вашего голоса. Но вам нужно назвать дату вашего рождения.

Сделав все необходимое, я вынул конверт. Подпись Гейба шла поперек клапана. Внутри я обнаружил код, состоящий из тридцати одной цифры.

Да, Гейб оказался предусмотрительным.

«Оставляю все на твое усмотрение, я тебе доверяю».

Дьявольски громкие слова для никчемного племянника.

Когда-то Гейб разочаровался во мне. Хотя он ничего мне не говорил, но его прежнее одобрение моего интереса к древностям сменилось сдержанной снисходительностью, поскольку мне не удалась карьера полевого археолога. Он должным образом поощрял меня и выказывал энтузиазм по поводу моих академических «достижений», однако в глубине души наверняка думал, что ребенок, который ездил с ним в лагеря на раскопки разрушенных городов полусотни цивилизаций, чувствует себя более свободно на товарной бирже. И что еще хуже, товаром были реликвии прошлого, которые, как утверждал Гейб, становились все более уязвимыми перед нашими тепловыми датчиками и лазерными бурами.

Он проклял меня за мою ограниченность. Я читал это в его глазах, слышал в том, чего он не говорил, чувствовал в его постепенном отчуждении. И все-таки, несмотря на существование небольшой группы профессионалов, с которыми Гейб раскопал бесчисленное множество цивилизаций, именно ко мне он обратился в связи с открытием «Тенандрома». Эта мысль грела меня. Я даже испытывал смутное удовлетворение оттого, что Гейб просчитался с мерами предосторожности и позволил похитить файл «Таннер». Гейб ошибался, как и все мы.

Следующий визит я нанес в полицейский участок. Там мне сообщили, что они усиленно расследуют происшествие, но пока не могут похвастаться особыми достижениями и свяжутся со мной, когда что-нибудь прояснится. Я поблагодарил, не очень надеясь на успех, и уже поднес руку к обручу, чтобы прервать связь, как появился маленький пухлый человек в форме и помахал мне рукой.

– Мистер Бенедикт? – Он кивнул, словно понимая, что я в крайнем затруднении. – Меня зовут Фенн Рэдфилд. Я старый друг вашего дяди. – Он взял меня за руку и с энтузиазмом потряс ее. – Счастлив познакомиться. Вы похожи на Гейба, знаете ли.

– Мне уже говорили.

– Ужасная потеря, ужасная. Пожалуйста, зайдите ко мне. В мой кабинет.

Он повернулся и вышел, а я подождал, пока не сменятся координаты места действия. Источник ответа опять передвинулся, стал ярче. В закопченные стекла окон потоком лился солнечный свет, я сидел в маленьком кабинете, где витал запах спиртного.

Рэдфилд плюхнулся на жесткую, неудобную на вид кушетку. Его рабочий стол окружала целая батарея терминалов, мониторов и пультов управления. Стены были увешаны свідетельствами, наградами, официальными документами и многочисленными фотографиями: Рэдфилд возле стремительного полицейского скиммера; Рэдфилд, обменивающийся рукопожатием с женщиной весьма важного вида; Рэдфилд на месте катастрофы, покрытый нефтяными пятнами, с ребенком на руках. Последняя фотография висела на самом видном месте. Я решил, что Фенн Рэдфилд мне нравится.

– Сожалею, мы пока не смогли сделать большего, – сказал он. – Правда, почти не за что зацепиться.

– Понимаю, – ответил я.

Рэдфилд пригласил меня сесть на стул, а сам уселся за столом.

– Стол похож на крепость, – хихикнул он. – Отпугивает людей. Я все собираюсь избавиться от него, но он у меня уже так давно. А мы, между прочим, нашли серебро. Или, по крайней мере, часть его. Трудно сказать наверняка, но у меня такое ощущение, что все полностью. Сегодня утром. Мы еще не ввели данные в компьютер, поэтому полицейский, с которым мы говорили, не мог об этом знать.

– И где оно было?

– В ручье, примерно в километре от дома. Лежало в пластиковом мешке под настилом дорожки, пересекающей поток. Детишки нашли.

– Странно, – сказал я.

– Согласен. Оно не представляет особой ценности, но все же достаточно дорогое. Значит, у вора не было возможности продать или надежно спрятать его.

– Серебро взяли для отвода глаз, – предположил я.

– Да? – В глазах Рэдфилда вспыхнул интерес. – Что заставляет вас так думать?

– Вы же называли Гейба своим другом.

– Да. Когда позволяло время, мы ходили вместе на прогулки. И еще мы много играли в шахматы.

– Он когда-нибудь рассказывал вам о своей работе?

Рэдфилд хитро посмотрел на меня:

– Иногда. Могу ли я узнать, к чему вы клоните, мистер Бенедикт?

– Воры унесли файл с данными. Взяли именно проект, над которым Гейб работал перед смертью.

– И как я понимаю, вам о нем мало известно.

– Правильно. Надеюсь, у вас может оказаться какая-то информация.

– Понимаю. – Рэдфилд откинулся на спинку стула, положил руку на крышку стола и нервно забарабанил по ней пальцами. – Вы хотите сказать, что серебро и все остальное взяли для отвода глаз.

– Да.

Полицейский встал, обогнул стол и подошел к окну.

– В последние три месяца или около того ваш дядя был чем-то озабочен. Кстати, он и играл чертовски плохо.

– Вы не знаете почему?

– Нет, не знаю. В последнее время я редко с ним виделся. Гейб действительно говорил мне, что занят каким-то проектом, но так и не сказал, в чем тот заключается. Обычно мы регулярно встречались с ним раз в неделю, а несколько месяцев назад наши встречи прекратились, и с тех пор Гейб появлялся редко.

– Когда вы видели его в последний раз?

Рэдфилд подумал.

– Возможно, за шесть недель до известия о его гибели. В тот вечер мы играли в шахматы, но я видел, что его что-то беспокоит.

– Он выглядел озабоченным?

– Он отвратительно играл, и я разбил его наголову. Выиграл пять или шесть раз, что просто невероятно. Его голова была занята не игрой. Гейб сказал, чтобы я радовался, пока могу. В следующий раз он меня разделает под орех. – Рэдфилд уставился в пол. – Вот так.

Он достал из-под стола стакан пунша лимонного цвета.

– Часть моей диеты, – сказал он. – Желаете?

– Конечно.

– Хотел бы помочь вам, Алекс, но я просто не знаю, чем занимался Гейб. Могу только сказать, о чем он все время говорил.

– О чем же?

– О Соппротивлении. О Кристофере Симе. Он помешался на этой теме: хронология военных действий, кто там был, как развивались события. Я тоже интересуюсь этим, как и все остальные, только он говорил об этом все время. В самый разгар игры это раздражает. Вы меня понимаете?

– Да, – ответил я.

– Он не всегда был таким. – Рэдфилд наполнил второй стакан и протянул мне. – Вы играете в шахматы, Алекс?

– Нет. Когда-то я выучил ходы, очень давно. Эта игра мне никогда не давалась.

Лицо Рэдфилда смягчилось, словно он осознал, что разговаривает с ущербным человеком.

Вернувшись домой, я просмотрел сводку новостей. Сообщалось об очередной стычке с «немцами». Корабль получил повреждения, имелись жертвы. С минуты на минуту ожидали заявления правительства.

На Земле собирались проводить референдум о выходе из Конфедерации. Голосование должно состояться через несколько дней, но, очевидно, некоторые крупные политики поддержали движение за отделение, и аналитики пришли к выводу, что весьма вероятно положительное решение.

Я просмотрел другие сообщения, а Джейкоб комментировал события, утверждая, что настоящая проблема заключается в будущих действиях центрального правительства, если Земля и в самом деле попытается выйти из Конфедерации.

– Они же не смогут остаться в стороне и позволить им уйти, – мрачно заметил он.

– Такого никогда не случится, – сказал я. – Вся эта ерунда для внутреннего употребления. Местные политики хотят выглядеть крутыми парнями, атакующими начальство. – Я вскрыл банку пива. – Давай займемся делом.

– Давайте.

– Запроси главные банки данных. Что у них есть на Лейшу Таннер?

– Я уже смотрел, Алекс. На Окраине сведений, по-видимому, не много. Есть три монографии, посвященные ее переводам и комментариям к ашиурской литературе. Могу показать вам все три. Должен заметить, что просмотрел их и не обнаружил ничего для нас полезного, хотя там есть много интересного в общем смысле. Знаете ли вы, что ашиурская цивилизация старше нашей почти на шестьдесят тысяч лет? И за все это время у них не родился мыслитель, способный превзойти Тулисофалу. Она появилась почти в начале их развития и сформулировала многие из их этических и политических принципов. Таннер склонна считать, что Тули-

софала занимает у них место, аналогичное нашему Платону. Между прочим, она вывела из этой параллели несколько захватывающих умозаключений...

– Потом, Джейкоб. Что еще?

– Еще известны две монографии, но они уже не индексируются. Следовательно, их будет трудно найти, если они вообще существуют. Одна исследует ее способности как переводчика. Другая же озаглавлена «Дипломатические инициативы Сопротивления».

– Когда она опубликована?

– В тысяча триста тридцатом году. Восемьдесят четыре года назад. Монография удалена из базы данных в тысяча триста сорок втором году, а последняя копия, которую мне удалось отследить, исчезла примерно в тысяча триста восемьдесят первом. Ее владелец умер, поместье продано на аукционе, и где оно находилось, неизвестно, записей нет. Я буду продолжать поиски. Могут существовать какие-то материалы, не вошедшие в общую систему, но сохранившиеся в специализированных банках данных. У коллекционеров, в неизвестных исследованиях и так далее. Все это зачастую не индексируется. К сожалению, наши системы регистрации оставляют желать лучшего. Некоторые дневники и памятные вещи хранятся на Каха Луане, где Таннер преподавала до и после войны. В Архиве Конфедерации имеются ее записные книжки, а в Хринварском космическом музее экспонируются фрагменты ее мемуаров. Кстати, они оба расположены на Деллаконде. Мемуары, по моим сведениям, чрезвычайно фрагментарны.

– Назван в честь битвы, – заметил я.

– Хринварский? Да. С точки зрения тактики отличный бой. Сим был выдающимся человеком. Совершенно выдающимся.

На следующий день я посетил полдюжину университетов, Институт Квеллинга, Историческую ассоциацию Бенджамина Мейнарда и места встреч Сынов Деллаконды. Меня, естественно, интересовало все связывающее Таннер с Талино или, в более широком плане, с Сопротивлением. Ничего существенного. Я нашел несколько упоминаний о ней в частных документах, старых рассказах и тому подобном. Все скопировав, я устроился поудобнее, готовясь провести долгий вечер.

Только небольшая часть материалов была посвящена самой Таннер. Ее имя мелькает при обсуждении работы штаба Сима и его методов сбора разведданных. Я нашел только один документ, в котором ей отводилась большая роль, – забытая докторская диссертация, написанная сорок лет назад, где рассматривалось разрушение Пойнт-Эдварда.

– Джейкоб?

– Да. Я уже прочитал. Знаете, здесь скрывается какая-то тайна.

– В чем?

– Пойнт-Эдвард. Почему ашиуры его разрушили? Ведь он был уже покинут.

Я помнил эту историю: в первый же год войны обе стороны поняли, что нельзя защитить населенные центры. В результате появилось тайное соглашение, согласно которому тактические цели не будут размещаться вблизи населенных районов, а города не будут подвергаться нападению. В Пойнт-Эдварде ашиуры нарушили эту договоренность, и никто не знал причины.

– Однако Сим узнал о том, что готовится, – продолжал Джейкоб. – И эвакуировал двадцать тысяч жителей.

– Только двадцать тысяч? – спросил я. – Мне всегда казалось, что их было намного больше.

– Илианда была заселена кортаями – религиозной группой, которая всегда плохо относилась к посторонним. Они настолько жестко контролировали иммиграцию, что у них начался культурный и экономический застой. Теперь все изменилось. Но в годы Сопротивления в городе царила теократия и практически все население планеты жило там. Общественная жизнь была очень важна для них.

Как утверждалось в документе, поступив таким образом, Сим пожертвовал всей своей разведывательной сетью. Ашиуры немедленно поняли, что их сообщения перехватывались и расшифровывались, поэтому сменили все: аппаратуру, шифры, время передач и маршруты. Только спустя восемь месяцев после прихода Лейши Таннер деллакондцы начали восстанавливать то, что потеряли.

– Возможно ли это? – спросил я.

– Она была чрезвычайно умна. И заметьте, ашиуры среагировали на свой провал не слишком изобретательно. Шифры были заменены не полностью, и ашиуры попытались компенсировать этот недостаток использованием древней формы их базового языка. Вы еще не дочитали до этого места.

– Я думал, у них нет языка. Они же телепаты.

– Нет разговорного языка, Алекс. Но им все равно нужна система для постоянного хранения данных и концепций. Письменный язык. Тот язык, который они использовали, имел классическое происхождение. Его знал каждый образованный ашиур.

– И Лейша?

– И Лейша.

– Теперь мы, по крайней мере, знаем, почему Сим постарался завербовать ее.

– Тем не менее любопытно, – сказал Джейкоб.

– Что именно?

– Я не о Таннер. Пойнт-Эдвард. «Немые» разрушили пустой город. Они наверняка знали, что там никого нет. Зачем было трудиться?

– Какая-нибудь военная цель неподалеку? – предположил я.

– Может быть, и так. Но об этом ничего не известно. И еще одна странность: не последовало никакого возмездия. Сим мог бы появиться возле одной из ашиурских планет и сровнять с землей любой город по своему выбору. Почему он этого не сделал?

– Возможно, они эвакуировали всех из Пойнт-Эдварда, и поэтому он не хотел начинать цепь репрессий.

Мы нашли голографическое изображение Таннер, хранившееся вместе со снимками штабных офицеров с корабля «Меч Конфедерации». В то время ей было примерно двадцать семь лет, и она выглядела хорошенькой даже в сине-голубой форме флота Деллаконды. Однако приветливое выражение лица Таннер казалось явно неуместным среди озабоченных и мрачных физиономий окружавших ее мужчин.

Я попытался прочесть выражение ее глаз: она знала нечто такое, что через два века заставило Гейба пуститься по следу в Даму-под-Вуалью. Я растянулся на диване в нижней гостиной, глядя на неясное изображение. Жаль, что в те годы еще не существовало техники изокристаллов: насколько проще было бы связаться с ней и задать несколько вопросов.

Я все еще смотрел на Таннер, когда Джейкоб тихо сообщил мне о посетителе.

На стоянку за домом спускался скиммер. Изображение Таннер исчезло, а на верхнем экране появился летательный аппарат. Уже стемнело, и Джейкоб включил наружные лампы, освещающие дорожку. Я наблюдал, как пилот поднял фонарь кабины и легко спрыгнул на землю.

– Джейкоб, кто это?

– Понятия не имею.

Женщина знала, где расположены камеры. Она посмотрела прямо в одну из них и прошла мимо, решительно направившись к дому.

Я ждал ее.

– Добрый вечер, – сказал я.

Она была высокой, сероглазой, длинноногой, в плаще оливкового цвета. Ее лицо скрывала тень.

– Вы, должно быть, его племянник, – сказала она тоном, в котором сквозило легкое неодобрение. – Он что, действительно был на «Капелле»?

Голос звучал хрипло, а в ее глазах отражался колеблющийся свет фонаря.

– Входите, пожалуйста.

Женщина быстро огляделась, скользнув взглядом по каменному демону.

Она сняла плащ и повесила его у двери, словно делала это уже не один раз. Незнакомка выглядела довольно привлекательной, хотя в ее чертах не было мягкости, глаза смотрели пронизывающе, а подбородок агрессивно вздернулся.

– Меня зовут Чейз Колпат.

Ее тон не допускал сомнений, что я должен знать это имя.

– Алекс Бенедикт, – представился я.

Женщина оценивающе оглядела меня, слегка наклонила голову и разочарованно пожала плечами:

– Меня нанял ваш дядя, он должен мне значительную сумму денег. – Чейз неловко переступила с ноги на ногу. – Мне жаль, что приходится говорить об этом в столь тяжкий для вас момент, но я думаю, что вам следует знать.

Она отвернулась, прекращая обсуждение неприятной темы, и прошла в кабинет. Чейз села у камина, поздоровалась с Джейкобом, который непринужденно и без колебаний сделал ей комплимент по поводу ее внешности. Затем искин принес теплый фруктовый напиток, приправленный ромом, и Чейз, отхлебнув немного, протянула руки к огню.

– Без него здесь странно.

– Мне тоже так кажется.

– В чем там дело? – неожиданно спросила она. – Что он искал?

Начало показалось мне многообещающим.

– Вы работали с ним над проектом?

– Да, – ответила она.

– Позвольте мне задать вам тот же вопрос. Что он искал?

Чейз рассмеялась. Смех был чистым и звонким.

– Понимаю. Значит, он и вам не сказал?

– Нет.

– И никому другому?

– Никому из моих знакомых.

– Но ведь что-то должно быть известно Джейкобу.

– Джейкоба подвергли лоботомии.

Чейз с изумлением взглянула на монитор, который все еще передавал изображение скиммера.

– Вы хотите сказать, что никто не имеет представления, чем он занимался последние несколько месяцев?

– Насколько мне известно, никто, – ответил я с нарастающим раздражением.

– Записи, – произнесла Чейз, словно объясняя непонятное ребенку. – Должны остаться записи.

– Они утеряны.

Это ее доконало. Она расхохоталась.

– Ну и ну, – выдавила она между приступами хохота, – будь я проклята. Это так на него похоже.

– Вам что-нибудь известно? Хотя что-нибудь?

– Проект имел какое-то отношение к «Тенандрому». Гейб обещал, что я разбогатею. Кроме того, говорил он, все его прежние дела по сравнению с этим выглядят тривиальными.

«Я потрясу всю Конфедерацию» – вот как он говорил. – Чейз подперла руками подбородок и покачала головой. – Самое идиотское дело, в котором я когда-либо участвовала.

– Но все же участвовали. Что вы должны были сделать, чтобы заработать эти деньги?

– Я – пилот третьего класса. Малые межзвездные корабли. Гейб нанял меня, чтобы я провела некоторые исследования и куда-то доставила его. Не знаю куда. Послушайте, мне все это довольно неприятно. Гейб оставил меня на Сараглии, причем после того, как я уже потратила значительную сумму из собственных средств.

– Сараглия? «Капелла» исчезла как раз по дороге на Сараглию.

– Правильно. Мы должны были там встретиться.

– И вы не знаете, куда Гейб хотел направиться потом?

– Он не говорил.

– Довольно странно.

Я не очень-то старался скрыть свои подозрения, что Чейз пытается погреть руки на смерти Гейба.

– Он сам сорок лет имел лицензию пилота, и я никогда не слышал, чтобы он позволял кому-то вести свой корабль.

Чейз пожала плечами:

– На это я не могу ответить. Не знаю. Но мы именно так и договорились. Учитывая время перелета минус аванс, он задолжал мне плату за два месяца плюс расходы. У меня все подтверждено документами.

– Контракт?

– Нет, – ответила она, – у нас устное соглашение.

– И никаких письменных документов?

– Послушайте, мистер Бенедикт. – В голосе ее зазвучало напряжение. – Постарайтесь понять. Последние несколько лет мы с вашим дядей вели довольно много дел, доверяли друг другу и хорошо ладили. У нас не было необходимости прибегать к контрактам.

– Что это за исследования? – спросил я. – Связанные с «Тенандромом»?

– Да. – Одно из поленьев в камине треснуло и упало в огонь. – Это корабль разведки. Несколько лет назад он летал в скопление Дама-под-Вуалью, и они, очевидно, что-то там увидели... – Чейз откинула голову на спинку стула и прикрыла глаза. – Гейб хотел узнать, что именно, но мне не удалось это выяснить.

Сараглия находится на краю Дамы-под-Вуалью. Удаленная от светила модульная планета огромных размеров с переменной силой тяжести. Она является последним пунктом отправления больших кораблей разведки, которые продолжают зондирование и картографирование обширного рукава Возничего.

– И оттуда вы собирались его куда-то доставить?

– Да. Куда-то!.. – Чейз пожала плечами.

– Что вам известно о месте назначения? У вас же должны быть хоть какие-то сведения. Дальность, например, на какое время был рассчитан полет... Хоть что-нибудь! Вы арендовали корабль?

Чейз взглянула на бумагу с расчетами, которую явно подготовила для меня:

– Предвидятся споры по поводу денег?

– Нет, – ответил я.

– Ладно. – Она лукаво улыбнулась. – Я уже договорилась о корабле. Я спрашивала, куда мы отправляемся, но он ответил, что скажет, когда сам доберется до места. То есть на Сараглию.

– Он рассчитывал улететь с Сараглии сразу по прибытии?

– Да, – кивнула Чейз, – думаю, так. У меня были инструкции держать корабль в полной готовности. Это старый патрульный катер, между прочим. Тот еще корабль. – Она печально покачала головой. – Он еще сказал, что нас не будет месяцев пять-семь.

– Как далеко это отодвигает цель перелета?

– Трудно сказать. Если он хотел придерживаться правил, меньшая часть этого времени ушла бы на межзвездный перелет. Скажем, три месяца в оба конца. Тогда цель находится на расстоянии примерно восьми световых лет. Но если он собирался пренебречь правилами (а их и в самом деле можно там не применять) и выйти из скачка как можно ближе к цели, тогда, если отвести пять месяцев на гиперпространство, речь идет о максимальном расстоянии в тысячу пятьсот световых лет.

– Что вам удалось узнать о «Тенандроме»?

– Немного. По-видимому, дело отдает вмешательством потусторонних сил.

– Что вы имеете в виду?

– Большие корабли разведки обычно отправляются в полет на четыре-пять лет. «Тенандром» вернулся через полтора года. И никто из него не вышел.

– Сараглия была их первой остановкой на обратном пути?

– В том секторе – да. По традиции суда останавливаются на ней и капитан посылает личный доклад директору порта. Они обсуждают вопросы снабжения, проходят контроль безопасности, а потом на несколько дней всех отпускают с корабля. Царит атмосфера праздника. Но когда прилетел «Тенандром», все было иначе. По словам служащих порта, которые согласились побеседовать со мной, официальный отчет передали по лучу. Никто не вышел из корабля, никто не поднялся на борт. Как всегда, возле трапа собралась толпа. Не знаю, известно ли вам что-либо о Сараглии, но корабли приземляются непосредственно в городском порту. Стены дока прозрачны, поэтому все, кто повел своих детишек на прогулку, могли стоять на улице и смотреть на удерживаемый тросами «Тенандром». Внутри корабля горели огни, и можно было разглядеть членов экипажа, но ни один из них так и не вышел из шлюзов. Такого раньше не случалось. Все расстроились, особенно коммерсанты. Они почувствовали себя униженными. Прилеты кораблей всегда приносили значительную часть прибыли.

– Но не в этот раз, – сказал я.

– Не в этот раз. – Чейз слегка вздрогнула. – В конце концов поползли слухи.

– Какие?

– Что на корабле чума. Однако им бы не позволили тогда сойти на Аквариуме, где они сделали следующую остановку.

– А они действительно высаживались на Аквариуме?

– Так говорил Гейб. Он сказал, что они покинули корабль, как обычно.

– Это была их конечная станция?

– У разведки там региональный штаб. Туда они возвращаются для общего переоснащения, представления отчетов и снаряжения новых экспедиций.

– Сколько человек было на борту?

– Экипаж из шести человек и восемнадцать членов исследовательской команды. – Лицо Чейз стало задумчивым. – Когда я находилась на Сараглии, прибыл «Вестовер», и экипаж очень приятно проводил время. Они оставались там больше недели, что, как я поняла, является обычным сроком. Много женщин, спиртное лилось рекой. Удивительно, что они после этого все-таки возвращаются на корабль. А «Тенандром» улетел через день.

– Разведка не объяснила, почему был прерван их полет?

– Сказали, что в двигателях Армстронга появилась неисправность, которую нельзя устранить на Сараглии. Вполне возможно. Тогда, между прочим, нет ничего странного и в том, что никто не вышел из корабля, – им нужно было спешить.

– Вероятно, они говорили правду.

– Вероятно. Корабль ремонтировали на Аквариуме, и Гейб говорил, что, судя по записям, привод действительно нуждался в серьезном ремонте.

– Тогда в чем же проблема?

– Гейбу не удалось найти людей, занимавшихся ремонтом двигателей Армстронга. Узнав о расспросах Гейба, разведка очень обеспокоилась. Ему официально запретили доступ на станции обслуживания.

– Как, черт возьми, им удалось?

– Очень просто. Они заявили, что Гейб представляет угрозу их безопасности. Хотелось бы мне на это посмотреть. – Чейз улыбнулась. – В это время я была на Сараглии. Судя по его сообщениям, Гейба чуть кондрашка нехватила. Но потом он сказал, что Мачесны раскололся, поэтому он отправляется на встречу со мной, и чтобы я доставала корабль.

– Мачесны?

– Так он сказал.

– Кто такой, черт возьми, этот Мачесны?

– Не знаю. По-моему это как-то связано с Кристофером Симом. Может, он имел в виду Рэшима Мачесны.

Я покачал головой:

– Есть ли в этом деле хоть кто-нибудь, кто не умер бы сотню лет назад?

Рэшим Мачесны – великий старик, из Сопротивления. Жизнерадостный толстяк, умница, эксперт по волновой теории гравитации. Вместе с Тариеном Симом он посещал законодательные органы различных планет и использовал свое огромное влияние на благо Конфедерации. Как он мог «расколоться»?

– Другой Мачесны мне неизвестен, – сказала Чейз. – Кстати, после окончания ремонта разведка немедленно отправила «Тенандром» в следующий полет. У них уже было готово задание. Таким образом, капитан и большая часть прежнего экипажа находятся в экспедиции.

– Они полетели обратно?

– Нет, – ответила Чейз, – не думаю. Местом их назначения стала область, удаленная на тысячу восемьсот световых лет. Слишком далеко. Если придерживаться предположения, что Гейб знал, куда они летят, и что именно туда он и собирался...

– А как насчет бортового журнала? Разве они не становятся достоянием общественности? Мне попадались такие публикации.

– В данном случае вряд ли. Все было засекречено.

– На каком основании?

– Не знаю. Они не обязаны давать объяснения. По крайней мере, Гейб не смог получить доступ к документам.

– Джейкоб? Ты здесь?

– Да, – откликнулся искин.

– Прокомментируй, пожалуйста.

– Не такое уж необычное дело. Информация засекречивается, если кто-то считает, что ее публикация нанесет ущерб интересам общества. Например, если кого-то съели, то подробности не станут достоянием общественности. Последним примером сокрытия информации явился полет «Борланджета», во время которого один символист был схвачен и унесен какой-то разновидностью летающего плотоядного. Но даже в этом случае засекретили только ту часть информации, которая связана с данным конкретным инцидентом. В случае же «Тенандрома» все выглядит так, будто сам полет никогда не имел места.

– У вас есть предположения о том, что они могли там обнаружить? – спросил я у Чейз.

Она пожала плечами:

– Думаю, Гейб знал. Но мне не сказал. И если кому-либо на Сараглии что-нибудь известно, то они молчат.

– Возможно, это биологическая проблема, – предположил я, – которая беспокоила их, но уладилась к тому времени, когда они добрались до Аквариума.

– Возможно. Однако, если они успокоились, почему скрывают информацию?

– Вы говорили о каких-то слухах.

Чейз кивнула:

– Да, о чуме. Самым интересным слухом было предположение о контакте. Вариантов на эту тему около двух десятков, но наиболее распространенным является такой: им с трудом удалось уйти, центральное правительство опасается, что за «Тенандромом» проследили до самого дома, и пришлось вызвать Военный флот. Некоторые утверждают, что домой вернулся не тот корабль, который отправился в полет.

От такого предположения мороз пробирал по коже.

– Другой вариант: произошло временное смещение, миновало более сорока лет корабельного времени, и члены экипажа сильно постарели. – Усмешка Чейз говорила, что она думает о людской легковёрности. – Но Гейбу удалось побеседовать с членом исследовательской группы, и с ним было все в порядке.

– С Хью Скоттом, – выдохнул я. – А он не сказал, почему был прерван полет?

– Он придерживался официальной версии: на корабле возникли проблемы с двигателями Армстронга, починить их можно было только в стационарных условиях.

Я вздохнул:

– Тогда, наверное, причина именно в этом, а значит, не имеет большого значения, нашел Гейб ремонтников или нет. Возможно, у капитана были личные причины спешить домой.

– Возможно, – согласилась Чейз. – Но с кем бы Гейб ни разговаривал, со Скоттом ли, с другим человеком, все отказывались назвать ему остальных участников полета. – Она прижала кулак к губам. – Вот что странно.

Некоторое время наша беседа вертелась вокруг той же темы, мы уже пошли по второму кругу, словно упустили нечто важное. Когда я вновь упомянул Мачесны, Чейз выпрямилась:

– Кто-то был с Гейбом на «Капелле». А если это он?

– Возможно, – кивнул я, прислушиваясь к гудению огня в камине и к потрескиванию старого дома. – Чейз?

– Что?

Джейкоб принес сыр и новую порцию выпивки.

– А что думаете вы?

– О том, что они увидели?

– Да.

Она вздохнула:

– Если бы они не продолжали упорно отмалчиваться, я бы перестала об этом думать. А так ясно, что они что-то скрывали. И по-видимому, доказательством является исчезновение бортового журнала. Но, по моему мнению, Гейб дал слишком большую волю своему воображению. – Она откусила кусочек сыра и задумчиво жевала его. – Романтично, конечно, прийти к выводу, что там существует какая-то угроза, нечто совершенно ужасное. Только что это может быть? Что может напугать людей на расстоянии нескольких сотен световых лет?

– Ашиуры? Может, они прорвались к Даме-под-Вуалью.

– Ну и что? Допустим, это лишило бы сна военных, но меня бы нисколько не взволновало. В любом случае они представляют меньшую опасность там, чем вблизи от Периметра.

Позже, когда Чейз ушла, я запросил список пассажиров «Капеллы». Имя Гейба там, разумеется, присутствовало. Габриэль Бенедикт из Андиквара. Но никакого Мачесны.

Я долго размышлял, почему Гейб, который всегда лично водил самые разные корабли, вдруг захотел нанять пилота.

IV

«Чертovski большой кусок недвижмости!»
Высказывание главного советника Рейтмена Тумия, когда он
услышал, что в скоплении Дама-под-Вуалью, по некоторым
оценкам, имеется двести миллионов обитаемых планет

Департамент планетарной разведки и астрономических исследований представлял собой полуавтономное агентство, которое субсидировалось центральным Министерством финансов и целой армией частных фондов. Им управлял совет директоров, представляющих заинтересованные компании и академические круги. Председатель совета назначался политиками и отчитывался перед фондом. Следовательно, хотя разведка официально и считалась научной организацией, она была весьма чувствительна к политическим колебаниям.

В Андикваре находилось ее представительство, в задачу которого входил набор технического персонала на большие корабли и рассмотрение заявлений специалистов, желающих стать членами исследовательских групп. Там же было отделение по связям с общественностью.

В здании разведки размещалось еще несколько агентств. Все они располагались на верхних этажах старого каменного строения, где до образования Конфедерации заседало правительство планеты. Его западная стена была обесцвечена взрывом бомбы интервентов в начале Сопротивления.

Приемная производила удручающее впечатление: блеклые желтые стены, жесткая мебель, групповые снимки экипажей нескольких межзвездных кораблей и фотографии черной дыры. Не слишком подходящая обстановка для связей с общественностью.

Едва я встал со стула, как из соседней комнаты энергичной походкой вышел жизнерадостный молодой человек, прямо-таки излучающий спокойную компетентность. Стандартное голографическое изображение, встречавшееся мне и раньше, правда в другой обстановке.

– Доброе утро! Могу я чем-либо помочь?

– Надеюсь, – ответил я. – Меня зовут Хью Скотт, я участвовал в последнем полете «Тенандрома». Член группы исследователей. Мы с приятелем хотели бы организовать встречу с остальными участниками, но многих потеряли из виду. Не могли бы вы дать нам реестр или сказать, где бы я мог его получить.

– Последний полет «Тенандрома»? Посмотрим, это, кажется, семнадцатый?

– Да, – ответил я, поколебавшись, чтобы создать видимость раздумий.

Изображение тоже погрузилось в задумчивость. У него были густые каштановые волосы, приятная улыбка и немного длинноватый нос. Руководство, несомненно, стремилось создать образ умного и доброжелательного чиновника. В некоторых видах делового общения, например в торговле антиквариатом, это сработало бы. Но в их вежливой, безликой обстановке такие качества вступали в противоречие с мебелью.

– Сейчас проверю. – Он пересек комнату и остановился у фотографии черной дыры, пока компьютер готовил нужную информацию.

Я положил ногу на ногу и взял брошюру, призывающую подумать о карьере в Агентстве Будущего. Хорошая зарплата, приключения в экзотических местах.

Голограмма чиновника вдруг обернулась. Он вытянул губы трубочкой, изображая глупину огорчения неприятной обязанностью:

– Мне очень жаль, доктор Скотт, но эта информация засекречена. Вы, конечно, не должны испытывать затруднений в ее получении. Если вы захотите подать прошение о допуске, я могу дать вам образец заявления. Можете заполнить его прямо здесь, а я прослежу, чтобы

его доставили куда следует. – Он указал на один из терминалов. – Можете воспользоваться этим компьютером. Конечно, понадобится удостоверение личности.

– Естественно. – Мне стало не по себе. Записывается ли наша беседа? – Почему они засекретили список?

– Боюсь, причина тоже засекречена, доктор.

– Да, – сказал я. – Этого следовало ожидать. Хорошо.

Я сел за терминал, потом бросил взгляд на стенные часы и сделал вид, будто внезапно вспомнил о назначенной встрече.

– Сейчас у меня довольно мало времени, – сказал я, подняв руку к обручу на голове.

– Прекрасно, – любезно ответил он, давая кодовый номер документа. – Можете вызывать его в любое время. Просто следуйте инструкции.

Из беседы с Гейбом я понял, что он был в нелучших отношениях с Институтом Аккадии. И все же большая часть археологических раскопок, организованных Андикваром, координировалась этим почтенным учреждением. Поэтому я договорился о встрече, и меня соединили с молодой женщиной, которая при упоминании имени Гейба снисходительно улыбнулась.

– Вы должны понимать, мистер Бенедикт, – сказала она, упираясь указательным пальцем в щеку, – что на деле мы не были связаны с вашим отцом. Центр ограничивается профессиональными экспедициями, которые поддерживают официальные учреждения.

– Он – мой дядя, – поправил я.

– Простите. Так или иначе, у нас с ним не было никаких контактов.

– Вы хотите сказать, – небрежно заметил я, – что уровень деятельности моего дядюшки не вполне соответствовал вашим стандартам?

– Не моим стандартам, мистер Бенедикт. Мы говорим о стандартах института, а ваш дядя был дилетантом. Никто не станет отрицать его талантов, но все же он дилетант.

– Шлиман и Шампольон тоже были дилетантами, – с раздражением ответил я. – Как Тауэрман и Крейн. И несколько сотен других. В археологии это традиция.

– Конечно, – примирительно сказала она. – Мы это понимаем и поощряем людей, подобных Габриэлю Бенедикту, всеми имеющимися в нашем распоряжении неофициальными способами. И радуемся их успехам.

Вечером я в задумчивости сидел у камина, прислушиваясь к гудению огня. Внезапно свет потускнел, затем совсем погас, и сразу в центре комнаты, возле кофейного столика, появился ослепительно-белый объект размером с ладонь. Мне показалось, он имел сферическую форму, хотя точные очертания трудно было рассмотреть. Из него со всех сторон вырывались сверкающие струйки и падали обратно к объекту, обволакивая его. Облака сверкающего огня расширялись, кружились, меняли форму. Объект удлинился и принял знакомые очертания.

Дама-под-Вуалью!

– Мне показалось, момент подходящий, Алекс. – Голос Джейкоба был странно далеким.

Медленно вращаясь вокруг своей оси (подобное вращение в реальном времени занимает миллионы лет), она заполнила половину комнаты. Только человек с богатым воображением мог разглядеть в ней очертания женской головки. И все же в обширных звездных облаках имелись какие-то намеки на плечо, и глаз, и развевающиеся складки покрывала.

Считалось, что в ней содержится полмиллиарда солнц, по большей части молодых и горячих. Многие планеты были, по-видимому, пригодны для заселения, поэтому рассматривались как естественный дом для бурно растущего населения. Близость звезд друг к другу также решала многие проблемы, связанные с огромными расстояниями, разделяющими планеты Конфедерации. Прогнозировалось, что когда-нибудь прежние столицы будут покинуты, а центры управления переместятся в это скопление.

Она была самым ярким объектом на небе Южного полушария Окраины, даже ярче гигантской луны. В Андикваре, правда, увидеть ее нельзя, но и здесь лишь немногие звезды могли бы соперничать с ней в яркости.

– Вот куда мы движемся, Джейкоб, – сказал я.

– Согласен, – ответил искин, неправильно поняв меня. – Вам осталось только раскрыть место назначения.

Замечание поразило меня: оно предполагало, что пора браться за дело. Я отправил Джейкоба за сводками новостей о «Тенандроме».

– Я уже искал, – ответил он. – Их очень немного.

Дама-под-Вуалью исчезла, и на мониторе возникло несколько строчек.

– Это самое первое.

«Станция Сараглия. Mmb 3 (ACS): ККР „Тенандром“, в последнее время занимавшийся исследованием глубинных областей Дамы-под-Вуалью, на расстоянии более тысячи световых лет от Окраины, по сообщению представителя разведки, получил серьезное повреждение двигателей Армстронга. Хотя степень повреждения еще не установлена, представитель заверил, что никто не пострадал и непосредственной опасности для корабля нет. Военный флот опубликовал заявление о готовности команды спасателей оказать необходимую помощь».

Джейкоб прокрутил еще несколько сообщений: официальное объявление о возвращении корабля, отметку в «Регистре перевозок» о посещении Сараглии, запись о его прибытии на Аквариум спустя несколько недель.

– Есть там что-нибудь о другом конце путешествия? Какие-нибудь подробности об отлете? – спросил я.

– Только стандартное объявление в «Регистре», – ответил Джейкоб. – Маршрут не приводится.

– А имена членов экипажа? Или пассажиров?

– Только капитана: Сейджемон Макирас. В этом, кстати, нет ничего необычного. Они никогда не публикуют подробностей, только описывают изредка кое-какие особые детали.

– Может, есть какие-то внесистемные материалы?

– Если и есть, то добраться до них будет нелегко. Если там и происходило что-то необычное, службы новостей, по-видимому, ничего об этом не знали.

– Ладно. Не захочет ли нам что-нибудь рассказать Макирас? Можно добыть адрес?

– Да. Впадина Мойры, борт собственного корабля. Я проверял домашние записи. Гейб послал ей два сообщения. Первое она проигнорировала.

– А второе?

– Только тахионная телеграмма:

«Доктор Бенедикт! Путешествие „Тенандрома“, если не считать сбой в одном из двигателей Армстронга, прошло без каких-либо приключений.

С наилучшими пожеланиями

Сейдс Макирас».

– Давай попробуем другое: посмотрим все полеты за последние несколько лет. В них должна быть какая-то система, и мы сможем получить хотя бы общее представление о той области, куда летал «Тенандром».

Джейкоб нашел нужные записи, и мы изучили последние полеты «Борланджета», «Рапатуту», «Вестовера» и других кораблей разведки, базирующихся на Аквариуме, но никакой системы не обнаружили.

Район поисков составлял около трех триллионов кубических световых лет. Может, чуть меньше.

Остался только Скотт.

Немного помолчав, Джейкоб произнес:

– Хотите подготовить изокристалл?

– Сколько времени будет идти ответ?

– Если он ответит сразу, около десяти дней. Только, как показали четыре последние проверки, его шифр не работает. Очевидно, он не отвечает на вызовы.

– Закажи билет, – неохотно сказал я. – Наверное, с таким же успехом туда можно слетать.

– Очень хорошо. Постараюсь известить его о вашем приезде.

– Нет, давай сделаем ему сюрприз.

V

Смотришь сквозь стены Пеллинора в большие, полные любопытства глаза морских животных и спрашиваешь себя: кто же в действительности смотрит наружу, а кто внутрь?..

Тайель Чедвик. Мемуары

И планета, и город названы в честь капитана Пеллинора, первым прошедшего по тем нескольким квадратным километрам суши, которые некогда были единственным на этой, полностью покрытой океаном, планете местом, куда мог ступить человек. Но любому, кто с тех пор побывал под невидимыми стенами, удерживающими гигантскую толщу морских вод, кто хоть раз смотрел вверх на скользящие в ярко-зеленой воде тени, название, под которым это место известно всем, кажется более подходящим.

Аквариум.

Суша: серповидный клочок земли, выступающий из моря.

Образ мышления: обитатели ее любят повторять, что никакое другое место в Конфедерации или за ее пределами не вызывает у человека такого ощущения собственной брэнности, как Аквариум.

Планета размером в половину Окраины, но все же массивная: сила тяжести составляет на ней ноль целых девяносто две сотых земной. Вращается вокруг древнего солнца класса G под названием Гидеон, которое, в свою очередь, движется вокруг Гели, ослепительного белого гиганта, совершая полный оборот за несколько столетий. Оба солнца имеют планетные системы, что не является чем-то необычным для двойных звезд, если основные их компоненты удалены на значительное расстояние. Но эта двойная звезда уникальна: когда-то она служила домом разумным существам. Четвертая планета Гели – Белариус. Здесь находятся руины пятидесятитысячелетней давности, которые до появления ашиуров были единственным свидетельством того, что когда-то кто-то еще, кроме людей, смотрел на эти звезды.

Белариус представляет собой невероятно дикое место – мир буйных джунглей, невыносимой влажности, разъедающей все и вся атмосферы, высокой гравитации, высокоразвитых хищников и непредсказуемых магнитных бурь, которые частенько выводят из строя оборудование. Это не то место, куда хорошо приехать с семьей.

Аквариум оставался единственным миром обеих планетных систем, пригодным для обитания, и поэтому разведка с самого начала отводила ему особое место. Когда триста лет назад Гарри Пеллинор открыл Аквариум, он счел планету совершенно бесполезной. Но тогда он еще не открыл Белариус, и знаменитая катастрофа еще ждала его впереди. Именно это последнее открытие обеспечило Аквариуму историческую роль в качестве штаб-квартиры администрации, склада припасов, базы для дозаправки и переоснащения исследовательских кораблей, пытающихся вывести секреты Белариуса.

Конечно, исследования планеты давно уже завершены, но Аквариум все еще играет важную роль для разведки, служа региональной штаб-квартирой ее администрации. Процветающий курорт, место расположения крупного университета, нескольких межпланетных промышленных предприятий, ведущий центр океанографических исследований Конфедерации – Аквариум служил домом миллиону людей.

Одним из них был Хью Скотт.

Статуя Гарри Пеллинора стояла на центральном шпиле группы административных зданий, возносящем ее над уровнем моря. По преданию, люди крайне неохотно пошли на то, чтобы оказать такую честь человеку, имя которого во внешнем мире ассоциировалось прежде

всего с катастрофой и поспешным отступлением, человеку, экипаж которого был почти целиком съеден.

Это был совсем не тот герой, которого стоило увековечивать.

Наверное, люди были правы. Но город, во всяком случае, процветал.

Его заполняли богатые туристы, состоятельные пенсионеры, избранные технократы, занятые в индустрии тахионной связи, которая в то время только зарождалась.

Нижний порт прибытия размещался на плавучей платформе, с которой до центра Пеллинора можно было добраться по надводному транспортному туннелю, а при хорошей погоде – пройти пешком по нескольким понтонным мостам. Спускаясь на челноке, я первым делом проконсультировался со справочником, и прежде, чем мы приземлились на посадочную платформу, у меня уже был нужный адрес.

Я взял скиммер, зарегистрировался в гостинице и принял душ. По местному времени вечер только начинался, но я слишком устал, измотанный, как обычно, перелетом. Поэтому я долго стоял под прохладной струей и жалел себя, строя дальнейшие планы: разыщу Скотта, выясню, что происходит, и вернусь на Окраину. Там я найму кого-нибудь, кто будет сопровождать Колпат туда, куда им придется полететь, чтобы раскрыть чертов секрет Гейба, а сам никогда больше не покину планету, на которой родился.

Неудивительно, что эта проклятая Конфедерация разваливается на части. Приходится тратить недели, чтобы добраться из одного места в другое, от нескольких дней до нескольких недель, чтобы связаться с кем-нибудь, а перелет для большинства людей неприятен физически. Если бы ашиуры были поумнее, они бы заключили мир и ушли. При отсутствии угрозы извне мы почти наверняка разбежимся по своим углам.

Я хорошо выспался, рано встал и позавтракал в маленьком ресторанчике на крыше. Подо мной простирался океан, усеянный парусами. Трамвайные линии, парки и многоуровневые аллеи тянулись над стенами ограждения из силового поля и дальше над морем. Вдоль них выстроились экзотические бистро, казино, картинные галереи и сувенирные магазины. Еще там были пляжи, подвесные пирсы и приморский бульвар, опоясывающий город на высоте всего несколько метров над уровнем моря.

Но многие считают, что Пеллинор более интересен на дне. Солнечный свет проходит сквозь двадцать метров зеленой океанской воды, и можно наблюдать за огромными левиафанами водяного мира, величественно проплывающими на расстоянии вытянутой руки от столика, за которым ты завтракаешь.

Выйдя из ресторана, я взял скиммер и ввел в считыватель адрес Скотта.

Я понятия не имел, куда направляюсь. Аппарат поднялся в небо, влился в поток транспорта и пошел по дуге над океаном. Остров Гарри Пеллинора скрылся из виду. Только башни призрачно маячили вдали, поднимаясь из дыры в океане. Лишь две группы вершин к юго-западу от города находились выше уровня моря и напоминали теперь цепочку маленьких островков.

Скиммер развернулся и полетел параллельно побережью. Было сверкающее летнее утро. Я поднял фонарь кабины, наслаждаясь чудесной погодой. Позже я прочел, что содержание кислорода в атмосфере Аквариума гораздо выше среднего и это вызывает ощущение эйфории. Могу поверить. Когда скиммер лег на крыло и снова повернул вглубь острова, мною овладело необычайное чувство благополучия. Все непременно будет хорошо.

Несколько парусников грациозно покачивались под легким западным ветерком, по небу бесшумно плыл дирижабль. Над поверхностью воды взлетали небольшие фонтанчики, но я не смог разглядеть существ, которые их выбрасывали.

Быстро придвинулась суша, и, промчавшись над горами, я увидел обширные ухоженные пляжи, окаймленные лесами, и длинный ряд зданий из камня и хрусталя. Береговая линия

была испещрена пирсами, среди деревьев виднелись бассейны и купальни, на мелководье стояло несколько куполов, поддерживаемых над водой ступенчатыми пирамидами силовых фундаментов.

Самая приметная деталь здешнего пейзажа – это залив Аксбридж. Возможно, вы видели шедевр Дюрелла Колла, который сделал его знаменитым. А образовался залив во времена Колла, то есть два с половиной столетия назад, когда взорвалась одна из станций, генерирующих силовое поле, и на это место хлынул океан.

Скиммер проплыл вдоль берега залива, за аппаратом увязалось несколько песчанок, которые полетели рядом, взволнованно хлопая крыльями. Мы пересекли перешеек, пролетели над густым лесом и плавно опустились на парковочную площадку на склоне холма. Песчанки запутались в ветвях деревьев и подняли страшный гвалт.

Я не увидел дом с воздуха, с земли его тоже не было видно. Маленькая площадка едва вместила скиммер. Приказав ждать меня, я выбрался наружу и пошел по дорожке в лес.

Почти сразу же я попал в прохладный зеленый мир густых ветвей и тараторящих белок. На Аквариуме практически не существовало сухопутных форм жизни, поэтому всех их завезли с Окраины. Даже деревья. Я чувствовал себя как дома.

На гребне холма показалось легкое бунгало, окруженное папоротником, кустарником и крупными белыми подсолнухами. На широкой веранде стоял одинокий стул, оконные рамы были подняты, дверь плотно закрыта. Стены бунгало слегка покосились, нависшие над крышей густые ветви кое-где лежали прямо на ней. В теплом воздухе витал слабый аромат увядания и старого дерева.

Я постучал.

На мой стук никто не ответил, лишь в кроне дерева что-то зашуршало, и качнулась ветка.

Я заглянул в окно гостиной. В полумраке комната выглядела мрачной: диван, два кресла, старинный письменный стол, длинный стеклянный столик. На столике лежал свитер и стояла хрустальная фигурка какого-то морского создания. В соседнюю комнату вела дверь, напротив которой виднелась музейная витрина, заполненная разнообразными камнями, причем на каждом белел ярлычок. Возможно, образцы с других планет.

Стены украшали репродукции: «Сим у врат ада» Санригала, «Корсариус» Маркросса, «Маурина» Изитами, «На скале» Толденьи. Другие работы были мне незнакомы: портрет Тариена Сима, несколько портретов Кристофера Сима, одно из плоскогорий Деллаканды ночью – с одинокой фигурой (должно быть, Мауриной), стоящей под скелетообразным деревом.

Единственная картина, не связанная с Симом, висела рядом с витриной: современный звездный корабль, сияющий огнями, теплый и живой на фоне незнакомых созвездий. Интересно, не «Тенандром» ли?

Я знал, как выглядит Скотт, даже захватил с собой пару фотографий, хотя обе были довольно старые. С них на меня смотрел высокий смуглый темноглазый человек, во внешности которого проглядывала некоторая неуверенность, делающая его похожим больше на лавочника, чем на руководителя исследовательских групп на чужих планетах.

Чувствовалось, что коттедж пуст. Не покинут, нет. Просто хозяин давно в него не навещался.

Я потрогал окна, надеясь найти незапертое. Напрасно. Обходя дом в поисках входа, я подумал, не добьюсь ли чего-нибудь, если вломлюсь внутрь. Вероятно, нет, а если автоматика заснимет меня во время взлома, то я наверняка уже не смогу рассчитывать на содействие Скотта, а может, даже и заплачу крупный штраф.

Я поднялся в воздух и облетел весь район. В радиусе километра от участка Скотта находилось около дюжины домов. Я по очереди спускался к ним и задавал вопросы, представляясь двоюродным братом, неожиданно прилетевшим на Аквариум. Оказалось, что почти никто не

знал Скотта по имени, никто не признался в дружеских с ним отношениях. Приятный человек, говорили о нем. Спокойный. Не лезет в чужие дела, но и в свои никого не посвящает.

Женщина, возившаяся в саду ультрасовременного особняка из стеклянных плит, частично опиравшегося на силовой фундамент, добавила ко всему мрачную ноту.

– Он изменился, – сказала она, и глаза ее затуманились.

– Значит, вы его знаете?

– Конечно, – ответила она. – Мы знаем его много лет.

Она пригласила меня в гостиную, на минуту вышла на кухню и вернулась с двумя стаканами травяного настоя со льдом.

– Больше ничего нет, – сказала она. – Извините.

Ее звали Нэша. Она была миниатюрным созданием, с мягким голосом и сияющими глазами, только чуточку суетливая. Глядя на нее, я сразу вспомнил здешних песчанок. Когда-то она была красивой, но некоторые люди быстро увядают. Мне показалось, что она рада неожиданному собеседнику.

– А как он изменился?

– Вы хорошо знаете своего кузена? – спросила она.

– Я не видел его много лет. С тех пор как мы оба были юнцами.

– Я его знаю гораздо меньше, – улынулась она. – Но вам, вероятно, известно, что Хью никогда не отличался особой общительностью.

– Это правда. Но он не был недружелюбным, – рискнул я. – Просто застенчивым.

– Да, – ответила она. – Не уверена, что соседи согласятся с вами, но я тоже так думаю. Мне он казался вполне нормальным, но одиноким. Вы меня понимаете. Держался в стороне. Много читал, ему всегда не хватало времени, он выглядел озабоченным. Но если познакомиться с ним поближе, он расслабляется. У него прекрасное чувство юмора. Правда, его шутки немного суховаты, не каждый оценит их. Мой муж считает его одним из самых странных людей, которых он когда-либо знал.

– Ваш муж...

– ...был вместе с ним на «Кордене». – Нэша прищурилась, глядя в окно на свет двух солнц. – Хью мне всегда нравился. Сама не знаю почему. Мы познакомились, когда Джош, мой муж, тренировался вместе с ним перед полетом «Кордена». Тогда мы были новичками на Аквариуме, с нами жили наши детишки. У нас начались проблемы с подачей энергии. Дом принадлежал разведке, но их ремонтники никак не могли наладить работу аппаратуры, и дети огорчались. Чувствовали себя в изоляции, понимаете? Не знаю, откуда Хью узнал об этом, но он настоял, чтобы мы поменялись домами.

Она заметила, что я допил свой стакан, и поспешила снова наполнить его.

– Похоже на него. Так в чем же он изменился?

– Не знаю, как поточнее сказать. Все его особенности, которые казались раньше проявлениями эксцентричности, превратились в крайность. Юмор приобрел привкус горечи. Он всегда был мрачноватым, а тут буквально на наших глазах скатился в депрессию. Будучи и раньше нелюдимым, он в конце концов превратился в отшельника. Сомневаюсь, чтобы последние несколько лет соседи могли видеть его и говорить с ним.

– По-видимому, это правда.

– Более того, он стал злым. Когда Гарв Киллиан пожертвовал половину своих денег больнице, чтобы там открыли палату его имени, Скотт посчитал это лицемерием. Я помню его замечание: «Он хочет купить то, чего никогда не смог бы заслужить».

– Бессмертие, – сказал я.

Она кивнула:

– Он сказал это Киллиану в лицо, и с тех пор Гарв с ним не разговаривал.

– Несколько жестоко. Было время, когда Скотт так не поступил бы. То есть не сказал бы ему. Он бы так подумал, поскольку всегда был таким, но ничего бы не сказал.

– В последние два года... – Вокруг ее глаз и губ появились тонкие морщинки.

– Вы теперь часто с ним видите?

– Не виделась уже несколько месяцев. Он куда-то уехал. Куда – не знаю.

– А Джош может знать? Ваш муж?

Она покачала головой:

– Нет. Разве кто-нибудь из разведки сможет вам помочь.

Мы еще немного посидели. Я отогнал пару насекомых.

– Полагаю, ваш муж не был на «Тенандроме»?

– Он совершил только один полет, – ответила она. – Этого оказалось достаточно.

– Да, думаю, этого достаточно. Может, вы знаете кого-нибудь, кто принимал участие в полете «Тенандрома»?

Нэша покачала головой:

– Вам смогут ответить в Пеллиноре, попытайтесь узнать там. – Она задумалась. – В последние два года Скотт много путешествовал, он исчезает вот так не впервые.

– А он не говорил вам, куда отправлялся во время тех предыдущих путешествий?

– Да, – ответила Нэша. – Скотт увлекся историей. Он провел пару недель на Гранд-Салинасе. Там, у них на орбите, что-то вроде музея.

На Салинасе Кристофер Сим потерпел первое поражение, там чуть не закончилось деллакондское Соппротивление.

– Возможно, он полетел на Хринвар, – неожиданно сказала она.

– Хринвар?!

Место знаменитого рейда. Но Хринвар – всего лишь луна, не имеющая атмосферы.

– Да. – Нэша энергично закивала. – Теперь я припоминаю: он несколько раз говорил, что хотел бы посетить Хринвар.

С ее крыльца нельзя было разглядеть дом Скотта, но холм, на котором он стоял, был виден. Нэша заслонила глаза рукой от солнечного света и посмотрела в ту сторону.

– По правде говоря, – сказала она, – думаю, Джош рад, что он исчез. Мы уже дошли до такого состояния, когда нам становится неловко в присутствии Скотта.

Ее голос стал холодным, и я почувствовал за этим скрытый гнев.

– Спасибо, – ответил я.

– Не за что.

Я попросил всех, с кем беседовал, сообщить мне, когда вернется Скотт, после чего, разочарованный, вернулся в Пеллинор.

Региональный штаб разведки представляет собой комплекс из пяти зданий, резко отличающихся друг от друга архитектурным стилем, старых и новых, привозных и местных. Хрустальная башня возвышается рядом с чисто функциональным блоком офисов, геодезический четырехугольник соседствует с готическим замком. Как написано в путеводителях, создавался общий эффект академического презрения к порядку и земному образу мышления. По-видимому, во время своих путешествий я слишком много размышлял о Кристофере Симе и его сражениях: у меня возникло впечатление, что все это сооружение выглядит так, будто строилось оно под огнем противника.

Библиотека находилась на первом этаже купола. Она называлась «Завершение Викера», в честь одного из первых чиновников. Поразительно, но все здания и лаборатории названы в честь бюрократов или основателей фондов, а люди, летавшие к звездам, заслужили только пару-другую табличек и памятных надписей в музее. Имена нескольких десятков погибших были вырезаны на плите в главном вестибюле.

Я добрался туда поздно, библиотека была почти пуста. Человек пять посетителей, по-видимому студентов-выпускников, сидели за терминалами, просматривая файлы. Я выбрал кабину и закрыл за собой дверь.

– «Тенандром». История корабля.

– Наденьте, пожалуйста, облуч, – донесся из динамика уверенный голос мужчины средних лет.

Я подчинился. Свет померк, и стены кабины из голубых стали темно-синими, как вечернее небо в планетарии. Из темноты появилась светлая черточка, выросшая в сложную конструкцию из коробочек и стержней, медленно вращавшуюся вокруг поперечной оси.

– «Тенандром», – продолжал голос, – был построен восемьдесят шесть стандартных лет назад на Окраине специально для изучения дальнего космоса. Это один из кораблей разведки класса «Корден». Гиперпространственный переход осуществляется с помощью двух двигателей Армстронга, время перезарядки между прыжками составляет около сорока часов. Для передвижения в обычном пространстве на корабле установлены термоядерные двигатели, способные развивать тягу в восемьдесят тысяч мегаватт при обычных полетных условиях.

Корабль продолжал расти, пока не занял половину кабины: серый, утилитарный, неинтересный – две группы коробок, разбросанные вдоль параллельных ферм и соединенные в хвостовой секции магнитными ловушками, питающими термоядерные генераторы, а в передней – мостиком.

– История, – сказал я. – Самый последний полет.

– Прошу прощения. Этой информации нет.

Корабль продолжал плыть в темноте.

– Почему?

– Бортовой журнал корабля изъят до завершения расследования причин возникновения неисправности оборудования. В настоящее время презумпция невиновности не допускает дальнейшего распространения информации.

– Какого рода неисправности имели место?

– Сведения в данный момент отсутствуют.

– Был ли полет прерван?

– Да.

– Почему?

– Сведения в данный момент отсутствуют.

– Когда же они все-таки появятся?

– Сожалею, но у меня нет информации, чтобы ответить на ваш вопрос.

– Не могли бы вы дать мне список планируемого маршрута «Тенандрома»?

– Нет, – ответил он через несколько секунд.

– Но разве маршрут не является общедоступной информацией?

– Уже нет. Его изъяли.

– Где-нибудь должна быть копия.

– У меня сведений нет.

Схема «Тенандрома» мелькала на экране монитора, как будто систему что-то отвлекло.

– Где сейчас «Тенандром»?

– Уже два года, как он находится в рассчитанном на шесть лет полете во впадину Мойры.

– Можете дать мне список экипажа и исследовательской группы «Тенандрома»?

– В каком рейсе?

– В любом из последних четырех.

– Могу дать сведения по полетам номер пятнадцать и шестнадцать, а также по текущему полету.

– Как насчет семнадцатого?

- Отсутствует.
- Почему?
- Засекречен.

Я стянул с головы обруч и, прищурившись, посмотрел из окна на освещенный парк. В отдалении свет отражался от океанской стены.

Что же, черт побери, они скрывают? Что они могут скрывать?

Кто-то знал.

Где-то кто-то знал.

Я принялся выслеживать бюрократов и исследователей из разведки. Я охотился за ними в барах, в Полевом музее, в парках, на пляжах, в сияющих коридорах Оперативного центра управления, в городских театрах и ресторанах, в легкоатлетических и шахматных клубах.

Когда я осторожно направлял беседу в нужное русло, почти все охотно рассуждали о «Тенандроме». Наиболее распространенной версией, превратившейся в стойкое убеждение, была та, которую излагала мне Чейз Колпат: корабль обнаружил инопланетян. Некоторые заявляли, будто в район обнаружения были посланы военные корабли, и почти каждый слышал, что несколько молодых членов экипажа вернулись поседевшими.

Существовала и другая версия той же истории: «Тенандром» нашел дрейфующий чужой флот, предпринял попытку исследовать его, однако среди заржавевших кораблей было нечто, заставившее прекратить дальнейшее изучение. Капитан был вынужден прервать полет и повернуть домой.

Один бородатый эндокринолог абсолютно серьезно уверял меня, что судно обнаружило призрака, однако он не мог или не захотел рассказать об этом поподробнее.

Пожилая дама – системный аналитик, с которой я разговаривал однажды вечером на причале у моря, – рассказала, будто в том районе обнаружили остатки колонии чужаков, группу башенок на лишенной атмосферы луне. Инопланетяне давно уже мертвы, сказала она, однако прекрасно сохранились в своих саркофагах.

– Я слышала, – добавила она, – что все башенки были открыты в пустоту. Открыты *изнутри*.

Самый фантастичный вариант поведал мне агент по прокату скиммеров, объяснивший, что корабль нашел судно, полное людей, не говорящих ни на одном из известных языков, не поддающихся идентификации, но идентичных нам в наиболее существенном аспекте (тут он перешел на шепот): их половые органы точно такие, как у нас, хотя произошли эти люди совсем от других предков.

Я познакомился с молодой женщиной, знавшей Скотта: такая женщина обязательно должна найтись, надо только поискать получше. Она была скульптором, стройная, привлекательная, с приятной улыбкой. Недавно она с кем-то порвала (или порвали с ней?), и в конце концов мы очутились в маленьком баре на одном из пирсов. Ее звали Айвана, и в тот вечер она была беззащитной. Я мог бы увести ее в постель, но она казалась такой одинокой, что я не мог воспользоваться ее слабостью.

- Где он? – спросил я. – Вы знаете, куда он улетел?
- Она слишком много пила, но, казалось, на нее это не действует.
- За пределы планеты, – последовал ответ. – Куда-то. Он вернется.
- Откуда вы знаете?
- Он всегда возвращается.
- В ее голосе прозвучали язвительные нотки.
- Он и раньше предпринимал такие путешествия?
- О да, – сказала она. – Он не из тех, кто болтается без дела.
- Почему? Куда он летает?

– Думаю, ему становится скучно. А летает он на места сражений времен Сопротивления. Или туда, где есть мемориалы, я не знаю, какие именно.

В баре становилось шумно, поэтому я вывел ее наружу, полагая, что свежий воздух окажется полезен нам обоим.

– Айвана, что он рассказывает, когда возвращается?

– Он почти ничего не рассказывает, Алекс, и мне никогда не приходило в голову спрашивать его.

– Вы когда-нибудь слышали о Лейше Таннер?

Она хотела было ответить отрицательно, потом передумала.

– Да, – сказала она, просветлев. – Пару раз он упоминал о ней.

– Что он говорил?

– По-моему, он старается что-то узнать о ней, она какой-то исторический персонаж. Он странный. Иногда я чувствую себя с ним неловко.

– Как вы с ним познакомились?

– Уже не помню. На вечеринке, кажется. Почему вы спрашиваете?

– Просто так, – ответил я.

На ее лице появилась чудесная печальная улыбка.

– Почему вы интересуетесь Скоттом?

Я рассказал ей свою легенду, и она посочувствовала, что мы с ним разминулись.

– При встрече я расскажу ему, что вы здесь были.

Мы еще немного выпили, погуляли.

– Он стал очень странным, – в который раз за вечер повторила Айвана. – Вы бы его не узнали.

– Со времен «Тенандрома»?

– Да.

Мы остановились, и она, перегнувшись через перила, стала смотреть на море. Она выглядела растерянной.

– Здесь мило.

У Аквариума не было луны, но в ясные ночи на небе сияла Дама-под-Вуалью, излучавшая гораздо больше света и более пьянящая, чем полная луна Окраины.

– Они что-то привезли с собой. «Тенандром». Вы знали об этом?

– Нет.

– Никто не знает, что это было. Но что-то было. Никто не хотел об этом говорить. Даже Макирас.

– Капитан?

– Да. Хладнокровная стерва, насколько я разбираюсь в людях. – Ее взгляд стал жестким. – Они прилетели, а потом снова ушли. Ушли в следующий длительный полет. Экипаж исчез прежде, чем кто-нибудь понял, что они вернулись.

– Как насчет группы исследователей?

– Они уехали домой. Обычно они разъезжаются по домам, а потом возвращаются для составления отчетов. Но не в этот раз. Мы больше никогда никого из них не видели. Кроме Хью.

Мы снова гуляли. Прибрежная часть Пеллинора призывно сияла огнями, отражающимися в воде.

– Он никогда по-настоящему не возвращался домой. По крайней мере, для того, чтобы остаться. Он всегда где-то путешествует. Как сейчас.

– Вы говорите, Скотт летает на места сражений. Куда, например?

– В последний раз: Город-на-Скале, Илианда, Рэндингал, Гранд-Салинас.

Это был список знаменитых мест из истории Сопротивления.

– Да, – сказала Айвана, понимая мою реакцию. – У него был пунктик насчет Сима. Не знаю, что именно, но Хью что-то ищет. Он приезжает домой после недель или месяцев отсутствия, приезжает на несколько дней, а потом мы узнаем, что он опять улетел. Хью никогда раньше таким не был. – Ее голос дрогнул. – Я этого не понимаю.

Чтобы не создалось впечатления, будто я не предпринимал серьезных усилий, должен сообщить, что я также испробовал и официальные каналы и однажды, открыв двери административного здания, которое у них называлось Пристройкой, попросил о встрече с руководителем особых операций. Его звали Джемумба.

Меня послали к секретарю. «Изложите, пожалуйста, свое дело, мы свяжемся с вами в течение шести месяцев». Наконец я смог поговорить с одним из его подчиненных, который отрицал, что случилось нечто необычное. Да, он слышал сплетни, но его работа всегда окружена всякими слухами. Он может совершенно недвусмысленно заявить, что никаких инопланетян там не существует, по крайней мере на тех планетах, которые изучены разведкой, или вокруг них. А заявление о каких-то жертвах на «Тенандроме» – просто ложь.

Он объяснил засекречивание бортового журнала и другой информации обычной процедурой при возбуждении судебного дела. А по поводу семнадцатого полета «Тенандрома» имело место большое судебное разбирательство.

– Отказ главного двигателя не шутка, мистер Бенедикт, – с некоторой страстью в голосе объяснил он. – Разведка понесла значительные убытки, а дела с нашими обязательствами крайне запущены. Тем не менее мы надеемся, что все будет урегулировано в течение года или около того. Когда это произойдет, вы сможете получить доступ к любым сведениям о полете, кроме информации об экипаже и группе исследователей, которая никогда не становится достоянием общественности. Соображения приватности, вы понимаете. Оставьте нам, пожалуйста, свое имя и код. Мы с вами свяжемся.

Итак, у меня не осталось выбора, приходилось лететь на Хринвар. Регулярных рейсов туда нет, поэтому я арендовал «Кентавр», а пилотом на этот чертов корабль нанял Чейз. В небольшом корабле прыжок переносился еще хуже, меня еще больше тошнило при входе в гиперпространство и при выходе из него, и я снова поклялся, что это в последний раз.

В посадке не было необходимости. Хринвар – покрытая кратерами, лишенная атмосферы скала из никеля и железа, расположенная внутри колец газового гиганта. Полагаю, именно поэтому ашиуры и посчитали его подходящей базой для своего флота. Некоторые утверждают, что нападение Сима на эту планетку – одна из его самых удачных операций. Деллакондцы выманили защитников наружу, разнесли базу практически на кусочки и ушли с несколькими наиболее тщательно охраняемыми секретами противника.

Сохранились материальные доказательства этого рейда: проломленные купола, зияющая шахта, служившая когда-то ремонтным доком для военных кораблей, обломки металла и пластика, усыпавшие поверхность. Вероятно, все выглядело так и два столетия назад, когда Кристофер Сим покинул это место.

Чейз почти все время молчала. Мне казалось, что она наблюдает скорее за мной, чем за планетой.

- Достаточно? – спросила она, когда мы несколько раз облетели вокруг Хринвара.
- Его там не может быть, – сказал я.
- Там нет ни души.
- Зачем Скотту понадобилось лететь в это пустынное место?

VI

– Вызываю огонь!..

Кондор-ни, II,1

Сим – сукин сын: четырнадцать тысяч лет истории ничему его не научили, снова то же самое – кровь и угрозы.

Лейша Таннер. Записные книжки

Кто же сопровождал Гейба в полете на «Капелле»?

Шестьдесят три пассажира поднялись на борт на Окраине, двадцать из них отправлялись на станцию Сараглия. Большие межзвездные корабли никогда не останавливались в портах по дороге. Слишком много времени и энергии пришлось бы затратить на преодоление инерции, поэтому они проскакивали планетные системы на большой скорости. Пассажиры и груз доставлялись на борт в полете местными судами. Вероятно, его спутник входил в число этих двадцати.

В поисках подходящей кандидатуры я проглядел объявления об их смерти. Среди них были престарелые туристы, несколько флотских, летевших в отпуск, три пары новобрачных, горстка бизнесменов. Четверо летели из Андиквара: пара агентов по импорту-экспорту, ребенок, посланный к родственникам, и отставной полицейский офицер.

Ничего особо многообещающего, но мне сразу повезло с Джоном Кайбером, парнем из полиции.

Я набрал указанный в объявлении номер его ближайших родственников, и мне ответили.

– Меня зовут Алекс Бенедикт. Могу я поговорить с миссис Кайбер?

– Яна Кайбер слушает.

Я ждал, когда она материализуется, но ничего не произошло.

– Простите, что побеспокоил вас. Мой дядя был на «Капелле». Думаю, он путешествовал вместе с вашим мужем.

– Ах так? – Голос совершенно изменился, стал мягче, заинтересованнее, в нем прозвучала боль. – Мне жаль, что это случилось с вашим дядей.

Я услышал, как включился проектор Джейкоба, в воздухе затрепетало цветное пятно, и появилась она – величественная дама весьма почтенного возраста, серьезная, внимательная. Возможно, несколько раздраженная, хоть я и не мог определить, кто является причиной ее раздражения – Гейб, ее муж или я.

– Очень рада, что появилась возможность поговорить с кем-нибудь об этом. Куда они направлялись?

– Разве вы не знаете?

– Откуда мне знать?

Ну что за чертовщина!

– Вы знали Гейба Бенедикта?

– Нет, – ответила она после паузы. – Я вообще не знала, что муж путешествует с кем-то. – Она нахмурилась. – Я даже не знала, что он отправился в путешествие. Я имею в виду, за пределы планеты.

– Он когда-нибудь раньше бывал на Сараглии?

– Нет. – Она скрестила руки на груди. – Он никогда не покидал Окраину. По крайней мере, насколько мне известно. Теперь я уже не уверена.

– Но вы знали, что его какое-то время не будет?

– Да, знала.

– И никаких объяснений?

– Никаких, – ответила она, подавляя рыдание. – Боже мой, у нас никогда не было никаких проблем, мистер Бенедикт. Настоящих проблем. Он сказал мне, что сожалеет, но не может ничего объяснить и его не будет шесть месяцев.

– Шесть месяцев? Вам следовало расспросить его.

– Конечно я расспрашивала. «Они опять призвали меня на службу, – сказал он. – Я им нужен, и я должен ехать».

– Кто «они»?

– Агентство. Он был офицером службы безопасности. В отставке. Но это не имело большого значения. Он все еще работает консультантом. – Она запнулась, но не стала поправляться. – Его специальность – мошенничество в торговле, а вы знаете, сколько таких случаев в наше время. – Голос ее звучал так, будто она вот-вот расплачется. – Я не знаю, в чем там было дело, именно это и доставляет мне такую боль. Он умер, а я не знаю почему.

– Вы узнавали в его агентстве?

– Они утверждают, что ничего не знают. – Она уставилась на меня. – Мистер Бенедикт, он никогда не давал мне повода не доверять ему. Мы прожили вместе много лет, и это единственный раз, когда он мне солгал.

«Единственный раз, о котором вам известно», – подумал я, но вслух сказал:

– Он интересовался археологией?

– Не думаю. Нет. А этот Габриэль был археологом?

– Да.

– Не могу представить себе, какая между ними связь.

– Я тоже не могу.

Голос ее задрожал, но она постаралась сохранить спокойствие:

– Я не знаю, что он делал на этом проклятом корабле, куда летел и что собирался делать, когда доберется до места. И если у вас есть какие-то соображения, буду вам признательна, если вы поделитесь ими со мной. Что за человек был ваш дядя?

Я улыбнулся, чтобы развеять ее страхи:

– Один из лучших людей, которых я знал, миссис Кайбер. Он бы не стал втягивать вашего мужа в опасную историю или во что-либо, о чем вам стоило бы беспокоиться.

Зачем понадобился отставной офицер полиции? Возможно, в качестве телохранителя? Это казалось маловероятным.

– Ваш муж был пилотом?

– Нет.

– Скажите, миссис Кайбер, он когда-нибудь интересовался историей? В частности, Сопровителем?

На ее лице промелькнула озадаченность.

– Да, – ответила она. – Он интересовался всем старинным, мистер Бенедикт. Он собирал древние книги, его завораживали старые корабли, он был членом Общества Талино.

Вот оно!

– Что это за общество? – с интересом спросил я.

Она пристально посмотрела на меня:

– Не думаю, что это вам пригодится.

– Пожалуйста, – попросил я. – Вы уже помогли мне. Расскажите об Обществе Талино, я никогда о нем не слышал.

– На самом деле это клуб выпивох. Они маскируются под историков, но в основном заняты тем, что собираются каждую последнюю пятницу месяца в «Колландиуме» и приятно проводят время. – Она выглядела очень усталой. – Он состоял в обществе двадцать лет.

– А вы?

- Да, обычно я ходила вместе с ним.
- Почему оно называется Обществом Талино?
- Она улыбнулась. Наконец-то.
- Мистер Бенедикт, вам нужно приехать сюда и самому все узнать.

В тот день, когда я беседовал с Яной Кайбер, случилось еще две вещи. «Бримбери и Конн» прислали оценку моего имущества. Сумма превзошла все мои ожидания, и я понял, что больше мне уже не придется работать. Никогда. Странно, но я чувствовал себя виноватым. Это были деньги Гейба, а я далеко не всегда был с ним любезен.

Вторую новость сообщил Джейкоб. Он обнаружил где-то на другом конце планеты библиотеку, в которой сохранился экземпляр записных книжек Лейши Таннер, и быстренько заказал копию.

Мне все время звонили разнообразные мошенники, заявляющие, что они деловые партнеры моего дяди, и желающие «продолжать» оказывать всякие дорогостоящие услуги. Среди них были виноторговцы и торговцы недвижимостью, субъекты, называющие себя фондом, который собирается воздвигнуть памятники выдающимся бизнесменам, и несколько банковских агентов. Я надеялся, что они постепенно отстанут от меня, но они возникали снова и снова.

– С этого дня, – сказал я Джейкобу, – они твои. Отправляй их прочь. Разочаруй их.

– Как?

– Используй свое воображение. Скажи им, что мы вкладываем средства в какое-нибудь достойное дело, придумай в какое, а я удаляюсь в горы.

Потом я уселся читать записи Лейши Таннер.

«Записные книжки» охватывают период в пять лет, в течение которых Лейша преподавала в Университете Каха Луан на планете того же названия. Первые записи относятся ко времени, когда она познакомилась с поэтом Уолдорфом Кэндлзом, а последние заканчиваются с ее уходом из университета, на третьем году Сопротивления. Первоначально они задумывались как заметки об успехах ее студентов. Но когда возросла напряженность на Имаросе, после чего произошел бунт и началось катастрофическое вторжение на Корморал, записи расширились до обобщенного изображения социального и политического переворота на небольшой планете, которая боролась за сохранение своего нейтралитета, то есть за свое существование, в то самое время, когда Кристофер Сим и его героический отряд нуждались в любой помощи.

Некоторые описания вызывают смущение. Мы привыкли считать патриотами тех, кто активно сопротивлялся нападению ашиуров, – героических мужчин и женщин сотен планет, рисковавших жизнью и состоянием, пытаясь убедить упрямые правительства вмешаться в кризисную ситуацию. Но вот как описывает Таннер реакцию на нападение «немых» на Город-на-Скале:

«Сегодня в городе ораторы проклинали правительство и требовали немедленного вмешательства. Там были люди из университета, даже старый Энгус Маркхем, которого я никогда прежде не видела рассерженным. К ним присоединились несколько отставных политиков и парочка артистов, серьезно полагавшие, что нам следует послать весь флот на войну против ашиуров. Вчера я читала, что этот „флот“ состоит из двух эсминцев и одного фрегата. Один из эсминцев сейчас на капитальном ремонте, и все три судна уже устарели.

Присутствовали также другие люди, которых я приняла за членов общества „Друзья Конфедерации“. Они подогревали толпу, которая избивала палками нескольких человек, не разделявших ее точку зрения, и еще пару других, которые ее разделяли, но недостаточно быстро реагировали. Потом они отправились маршем через город к зданию Совета. Но от Бэлистер-авеню до парка Гренвилл путь долгий, и по дороге они перевернули несколько машин, напали на полицию и вломились в несколько баров.

Патриот – это человек, который готов пожертвовать всем, даже детьми, во имя справедливого дела.

В любом случае будь проклят Сим! Война продолжается, хотя все понимают, что она бесперспективна. Говорят, ашиуры просили у нас Аморду. Господи, надеюсь у Совета хватит мудрости согласиться».

Я нашел в справочнике слово «Аморда». Оно означает гарантию мира и автономии для любого, кто соглашался признать правление ашиуров. Я с удивлением узнал, что на каждую планету, принимавшую участие в Соппротивлении, приходилось как минимум две нейтральных. Некоторые планеты даже оказывали помощь захватчикам.

«Аморда». Требование было простым: в ознаменование верности несколько кубических сантиметров земли из столицы, помещенных в урну из чистого серебра.

Я стал читать дальше. Пока в Совете шли дебаты, пробил час Города-на-Скале. Ашиуры быстро прорвали оборонительные рубежи и разрушили орбитальные заводы. Центр культуры, давний символ литературы, демократии и прогресса на Границе, был оккупирован без всяких усилий.

«Это оплошность невероятных размеров, – писала Таннер. – Невольно возникает вопрос: неужели ашиуры нарочно стараются создать условия для того, чтобы Тариену Симу было сподручнее создавать союз против них? В любом случае Каха Луан упустил момент заявить о своем нейтралитете. Мы вступаем в войну. Единственный вопрос теперь – когда.

Нападение никого не удивило. Город-на-Скале и небольшая группа его союзников технически сохраняли нейтралитет, но ни для кого не было тайной, что их добровольцы принимали активное участие в войне на стороне деллакондцев. Всем было также известно, что Сим получает стратегические припасы с его орбитальных заводов. У ашиуров есть оправдание, но мне бы хотелось, чтобы они проявили некоторую сдержанность. Этого может оказаться достаточным, чтобы втянуть в войну Землю или Окраину. Если это произойдет, одному Богу известно, чем все закончится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.